

Николь Рейш

*Когда тебя нигде нет, мне и самому
существовать не хочется.*

Моё

СЛОМАННОЕ

Счастье

Серия "Помни". Книга 1,5

2014

Кайл Купер — человек, точнее стал им «сложив» свои крылья и отказавшись от бессмертия ради любви. Да только как оказалось, он сделал это слишком поздно. Время в Эдеме навеки остановилось, превратившись в вечное «сегодня», в мире людей оно даже и не думало об этом. В тот момент, когда Кайл выполнил свой намеченный план и «сбросил» крылья Эмили исполнилось пятьдесят восемь лет, ему же по человеческим меркам едва ли было двадцать семь. И эти цифры стали пропастью между ними, а боль потери в очередной раз тяжелым бременем легла на его сердце. Спустя полгода Эмили не стало, ее забрала тяжелая болезнь и в этот раз Кайл не смог вырвать ее из цепких лап смерти. Одно дело жить, напоминая себе, что, не смотря на разлуку с твоей любимой все в порядке, и она счастлива, совсем другое — существовать, зная, что нигде, даже в самом отдаленном уголке мира, ее нет. Теперь Кайл учится жить в мире, где больше нет Эмили Бейли. История Кайла Купера происходит спустя тридцать семь лет, после событий описанных в «Моем бумажном счастье». Жизнь Кайла Купера полна тайн и недомолвок, «Мое сломанное счастье» приподнимет занавес и прольет свет на некоторые события, описанные в первой книге и вы, наконец, узнаете, почему он не боролся за любовь Эмили. Где пропал на протяжении тридцати семи лет, а самое главное, какой конец у его истории.

Н и к о л ь Р е й ш

Серия «Молни»

Книга 1,5:

Моё сломанное счастье

Мое небесное счастье

*Друг без друга у нас получается всё
В нашем жизненном трудном споре.
Всё своё у тебя, у меня все свое,
И улыбки свои, и горе.
Мы премудры: мы выход в конфликтах нашли
И, вчерашнего дня не жалея,*

*Вдруг решили и новой дорогой пошли,
Ты свою пошла, я — свою.
Все привольно теперь: и дела, и житье,
И хорошие люди встречаются.
Друг без друга у нас получается все.
Только счастья не получается...
Эдуард Асадов*

Глава 1

Апрельское солнце освещает широкую дорогу, которая темно-серой полосой упирается в горизонт. За окном машины мелькают ярко-зеленые поля и деревья. Словно неуклюжий художник разбрызгал кругом свои яркие краски, и я впервые за долгое время залюбовался окружающим миром.

Моя поклажа легка, чемодан одежды да старая гитара, которая давным-давно должна была рассыпаться, но какие-то невиданные силы поддерживают ее состояние. И какой бы бесполезной я ее не считал, рука не поднялась бросить ее в старой квартире. Гитара и потрепанная фотография — это все, что осталось мне от Эмили.

Я держу свой пульт по трассе 49Б, именно на ней погибли родители Эмили, и чуть было не погибла она сама. Припарковавшись у обочины и выйдя из машины, я оказался прямо на том месте, где ели живая Эмили дрожала в моих руках. Из открытого окна машины на улицу выливался голос *Damian'a Rice*¹, та самая песня, под которую стоя на крыше, рыдала моя любимая.

Бывает так, что жизнь становится похожа на карусель. Все вокруг тебя несется в бешеном ритме, совмещая в одно целое все дни недели. Голова начинает кружиться и все силы исчезают. В такой момент единственное, что можно сделать, чтобы не сойти сума — остановиться. Взглянуть на мир глазами в режиме «Пауза» и просто отдышаться.

Но бывает и такое, когда ты просто попадаешь в «День сурка»² и каждое твое «сегодня» ничем не отличается от предыдущего. И ты медленно, но верно сходишь с ума. Тебя поглощает «серость» жизни. Из такого состояния невыносимо трудно выбраться самостоятельно. Надо просто «выпасть» из этого и вцепиться в новую жизнь.

Эмили — мой «День сурка» и мне приходится бежать в другой город, чтобы избавиться от этого.

Ночью двадцать девятого октября (я на всю жизнь запомню эту дату) я проснулся от невыносимой боли, словно тысячи ножей кромсали мое сердце, разрывая меня изнутри. И этому могло быть только одно объяснение — моей Эмили не стало.

Я всегда думал, что день, когда она умрет, станет и моим последним днем тоже. Но почему-то судьба меня пощадила, и мне пришлось в одиночку справляться со своим горем.

Одно дело, отпустить Эмили к другому мужчине, но знать, что она живая и что у нее есть дети, которых она любит и которые любят ее. Знать, что Эмили радуется, смеется, плачет, переживает все то, что должен пережить каждый нормальный человек.

Совсем же другое, проснуться утром и понять, что ни в одном даже самом укромном уголке мира ее больше не отыскать. Коварная смерть забрала с собой самое прекрасное создание во всем белом свете. Такая боль утраты слишком не выносима для человека, коим я сейчас и являюсь.

Спустя тридцать лет после возвращения Милана, Катарины и Михаэля в Эдеме развязалась война между старейшинами и ангелами (как падшими так и не падшими), за право самостоятельно выбирать, какой жизнью им жить.

Старейшины или ОНИ как мы их называем, были свергнуты и отобраны новые. Любо́й ангел, которому надоедала жизнь бессмертных, мог добровольно сложить крылья и отдать бессмертие. Стать человеком и прожить пусть и короткую, но куда более разнообразную жизнь. Год назад я выбрал именно такой путь, но для нас с Эмили было уже слишком поздно. На тот момент ей исполнилось пятьдесят восемь лет, когда же мне по человеческим меркам едва ли было двадцать семь.

В день ее смерти, мой брат Лий, который все еще был ангелом и по счастливой случайности был приставлен ангелом-хранителем к внуку Эмили, появился в моей гостиной с лицом полным скорби, и лишь одним словом *«мне жаль»*, подтвердил все мои опасения. Сердце Эмили больше не бьется, но все, же она прожила достойную, относительно долгую и я надеюсь счастливую жизнь. Пусть и без меня.

Жестокая эта штука судьба, то и дело смеется над нами. Проверая, как сильно она сможет нас одурачить и в какой именно момент мы сдадимся и опустим руки.

Мой отец был ранен на войне «ангельским кинжалом» и лишь тогда на пороге смерти он рассказал мне о том, что разговаривал с Эмили и подтолкнул ее отказаться от нас, ради спасения моей жизни. Но знала бы она, насколько сильно была невыносима моя жизнь без нее, и на какие муки обрек меня ее выбор. Не было и дня, чтобы я не думал о ней и не мечтал ее вернуть.

Но знаете, наверное, это и есть настоящая любовь. Когда ты готов отпустить свою возлюбленную к другому мужчине и позволить ему сделать ее счастливой. Чтобы он дал ей все, что никогда не сможешь дать ты.

Но когда первый солнечный луч проскользнул из-за окна в мою спальню, словно воришка, прокравшись по старому паркету, я наконец-то понял, что наступило первое утро в мире, где больше не существует Эмили Бейли. И Господи, Эмили, мне расхотелось жить.

Ноябрь 2009 года

Сегодня замечательный день. В смысле, замечательный он не, потому что на улице теплый красочный день. В Эдеме такая погода всегда, один сплошной, радостный, летний день. И никто из здесь живущих ни разу не видел какой-либо другой погоды, не говоря уже о ночном небе.

Сегодняшний день замечателен тем, что я и мой младший брат Василий (или как он предпочитает, чтобы его называли — Лий) получим новое назначение. Нас приставят ангелами-хранителями к людям, которые в будущем должны сделать что-то грандиозное.

Например, одним суждено стать великими вождями народа, положить конец затянувшимся войнам и отстоять свободу своего народа. Другим же стать учеными и разработать вакцину от неизлечимых болезней.

У каждого из них разная судьба, но одна великая цель — сделать мир людей лучше.

— Как здорово, брат, — восхищенно говорил Лий. — Я наконец-то получу свое первое назначение. Подумать только, я существую всего-то сто тридцать лет, а уже буду иметь своего подопечного.

Мы с Лиём шли через центральную площадь, которая постоянно переполнена ангелами, выполняющими те или иные поручения старейшин, в сторону главного корпуса, в котором и располагались приемные кабинеты всех старейшин.

Старейшины (ОНИ), являются для ангелов, как члены правительства и президент у людей, только у нас их двенадцать.

ОНИ наблюдают за непреклонным исполнением законов, а так же разрабатывают те или иные системы, которые помогут сохранить мир не только в мире ангелов, но и в мире людей. А так же помимо всего прочего, каждому из двенадцати отведена определенная роль. Например, мой отец, Алексей пятый в лестничной иерархии и специализируется он на распределении подопечных между ангелами-хранителями.

Но это еще, ничего, самое противное это то, что когда-нибудь я займу его место. Не зависимо от того, хочу я того или нет.

— Сколько тебе было? Сто семьдесят? Сто восемьдесят? — Подначивал меня брат.

— Сто шестьдесят пять, балбес, — расхохотался я, срывая охапку зеленых листьев с ближайшего дерева и запуская их в лицо младшего брата.

Лий, худощавый и жилистый парень, где-то примерно на голову ниже меня и килограмм на пятьдесят легче. Волосы ему, как и мне достались от отца, вот только глаза у него мамины — зеленые.

— Сам ты балбес, Кайл, — прыснул Лий. — Я буду самым лучшим ангелом-хранителем за всю историю Эдема

— Помечтай, — смеясь, я осадил амбиции брата, но тот пропустил мои насмешки мимо ушей. И с довольной, самодовольной улыбкой он вошел в главный корпус.

— Вот увидишь, Кайл, отец будет мной гордиться.

— А как же, — не принимая его слов в серьез, на автомате ответил я, открывая дверь и запуская брата в кабинет отца, а затем зашел сам.

— Отец, — официальным тоном проговорил я, пожимая его руку.

— Кайл, Василий, — ответил мужчина, обмениваясь с каждым из нас рукопожатиями.

В кабинете отца, все выглядит точно так же, как в кабинетах других старейшин. Минимально. Просто. Бесцветно.

А именно: белый пол, стены, потолок и даже три деревянных стула, письменный стол и небольшой диванчик у окна выполнены в серо-белых тонах. Войдя внутрь этой комнаты, я словно окунулся в молоко.

Я никогда не мог выдержать тут более пяти минут, такая пресность сводит сума.

— Так, сыновья, времени на светские беседы у меня нет, — все тем же деловым, отчужденным тоном проговорил отец.

Все знакомые нашей семьи, считают нашего отца не только великолепным старейшиной, но и примерным семьянином. Знали бы они, какой из него муж и отец на самом деле, засомневались бы в своей адекватности.

Отец появляется дома через выходные, и то если сильно повезет. Он просто живет на своей работе, отдавая всего себя на благо Эдема. И мы с Лией знаем его больше, как порядочного старейшину, чем заботливого отца, которым он, по сути, никогда и не был.

И сейчас, стоя напротив отца, я ели сдерживаю себя, чтобы не рассмеяться ему прямо в лицо.

— Завтра утром вы оба приступаете к своему заданию. Кайл, тебя я направляю к девушке. Ее зовут Эмили Бейли. Вот тут, — он протянул мне белый планшет. — Вся необходимая тебе информация. Будь добр ознакомиться с ней.

«Будь добр ознакомиться» — Мысленно я передразнил отца, подражая его манере говорить. Словно до этого я халатно относился к своим поручениям. По моему телу

прокатилась волна гнева, я стиснул кулаки, врезая ногти в мягкую кожу ладоней. Я сдерживал себя в руках, изо всех сил стараясь, чтобы ни одна мускула на моем лице не дрогнула, тем самым выдав, как сильно я взбешен.

— В твоём распоряжении полгода. Родители этой девушки в середине мая погибнут в автокатастрофе. И ты должен пообещать мне, что сделаешь все возможное, чтобы Эмили осталась живая.

— Я обещаю, — искренни ответил я.

— Вот и славно.

— А что на счет меня, отец? — Воодушевленно спросил Лий.

— А ты, сынок, приставлен к Алексу Вудбери, — отец наконец-то отвел от меня свой пристальный взгляд и с легкой улыбкой на лице ответил Лию. Затем взял со своего стола точно такой же планшет, как и тот, что сейчас был у меня в руках, и протянул его брату.

— Запомните, ваши задания связаны между собой. Ваши подопечные в будущем станут супругами. И в наших интересах сделать все возможное, чтобы их первенец родился.

— Почему? — Лий «сорвал» вопрос с моих губ.

— Потому что он поднимет человеческую медицину на новый уровень и нам необходимо этому поспособствовать.

Золотисто-карие глаза отца твердым взглядом впились в мои, но я не дал слабину, не отвел глаза, а, наоборот, с вызовом вскинул подбородок. Я не такой как он, и ни за что на свете не стану тем, кем он хочет меня видеть — будущим старейшиной.

Глава 2

Я не знаю, откуда во мне взялись силы, чтобы все же приехать на кладбище. Но я твердым шагом двигался вслед за толпой людей одетых с ног до головы в черное.

По дороге на кладбище я заехал в цветочный магазин и купил огромный букет кремовых калл. Именно эти цветы Эмили носила на могилку родителей, и я думаю, она бы хотела, чтобы для нее я сделал то же самое.

В толпе людей собравшихся вокруг гроба я заметил лишь пару знакомых, постаревших лиц: Эстер, ее мужа Макса и сына Кайла, а так же Алекса, Эдисон и Эйдена.

Эстер словно почувствовав на себе мой взгляд, повернула голову в мою сторону. У нее не ушло много времени на то, чтобы узнать меня. Слезы с новой силой хлынули из ее зеленых, постаревших глаз. Отпустив руку мужа, она шаткой походкой направилась в мою сторону, ели-ели передвигая ноги.

— Кайл, это правда, ты? — Не смотря на стоящие в глазах слезы, и мокрые дорожки на щеках, женщина улыбнулась и обняла меня. Мне было дико видеть, что сделало время с красавицей Эстер, изменяя ее почти до неузнаваемости. Эта прекрасная девушка стала похожа на завядший маковый цветок.

Взяв себя в руки, я обнял ее в ответ.

— Да, Эстер, это я, — срывающимся, слегка дрожащим голосом ответил я.

— Наша Эмили, Кайл, — рыдала женщина, вжимаясь в мою грудь, ее крохотные плечи без конца содрогались. — Ее больше нет.

Каждая мускула на моем лице дрожала, мне пришлось сдерживаться изо всех сил, чтобы не последовать примеру Эстер. Но слезы все равно собирались в уголках моих глаз.

— О, мне так жаль, Кайл. Мне так жаль, — без конца шептала Эстер, и я совершенно не понимал, что именно она имела в виду.

— О чем это ты?

— Она ждала тебя, — женщина слегка отстранилась и заглянула мне в глаза. — До последней минуты, до последнего вздоха она ждала, что ты придешь попрощаться.

— Я не знал, — сердце внутри моей груди защемило. — О, Эмили...

— Мне так жаль, — нижняя губа Эстер задрожала и она прижала к ней пальцы, чтобы унять дрожь.

Я хотел было ей ответить, но тут неподалеку от нас заговорил священник, привлекая всеобщее внимание. Справа от гроба стояла, Эдисон и горько рыдала на плече брата. Внуки Эмили окружили своего деда, оказывая поддержку.

Я стоял там, у подножия ее могилы с опустошенным сердцем, не отводя взгляда с крышки гроба, отчаянно молясь о том, чтобы это оказалось дурным сном.

Алекс не отходил от Эмили ни на шаг, он гладил ее волосы, целовал холодные щеки и лоб, припадая коленями к сырой и подмерзшей земле. Его морщинистое лицо было наполнено скорбью и ужасом. В эту минуту я так ему завидовал. Завидовал тому, что он может с ней попрощаться и что он был рядом, когда с губ Эмили сорвался последний вздох.

Внуки подняли Алекса с колен, и обняли за талию, для поддержки. Я до сих пор помню, как дрожали его руки, когда он доставал и разворачивал небольшой листок небесно-голубого цвета. Обычно на таких листах я писал Эмили письма.

Он читал написанное на листке вслух, мне приходилось прислушиваться, чтобы разобрать, о чем идет речь.

— Неделю назад Эмили отдала его мне, — послышался едва слышный голос старика. — И попросила прочесть это на ее похоронах. Я сильно разозлился в тот день из-за того, что она готовилась к своей смерти и так легко сдалась. — Его голос дрожал, а в уголках глаз собрались не пролитые слезы. Один из внуков, еще крепче обнял Алекса, придавая ему сил. — Но сейчас я понимаю, Эмили знала, что приближается к концу своей замечательной истории.

Он прочистил горло и принялся читать содержание листка. Его зрение с возрастом испортилось, по этому Алексу пришлось поднести бумагу к лицу и хорошенько прищуриться.

Оттого, что я жить без тебя не могу, —

Я пишу твое имя лучом на снегу.

На граните горы. На холсте высоты.

В каждом промельке света мне видишься ты.

Я цветами пишу. Ты ведь любишь цветы.

Это все для тебя. Это ты. Это ты.

Вот мелькнул в непогоду просвет голубой,

Это небо сейчас улыбнулось тобой.

Вот сады захмелели, рассветом знобя.

Это все для тебя. Для тебя. Для тебя.

Ты во всем. Ты всегда. Ты везде на земле.

На траве. На снегу. На свету и во мгле.

Я бегу к тебе, сердцем крича на бегу:

— Не могу без тебя. Не могу... Не могу...

Плакали все. Никто не остался равнодушным. Но больше всех присутствующих горевали мы с Алексом.

На протяжении тридцати семи лет, Алекс был ее опорой, поддержкой и крепким плечом. В его объятиях Эмили засыпала и просыпалась каждый день и это ему моя любимая родила двоих прекрасных детей.

Мне так жаль, что все это не смог дать Эмили я. Мне жаль, что шанс на нормальную жизнь мне выпал слишком поздно.

Люди начали по очереди подходить к гробу, класть к нему цветы, провожая Эмили в последний путь. На ватных ногах я побрел вслед за ними, крепко сжимая кремовые каллы.

Она лежала такая красивая, спокойная, безмятежная... В белокурых локонах запуталась седина, а тонкие, бледные руки покоились на темно-синей ткани платья. В тот момент я совершенно потерял контроль над собой, соленые слезы обожгли мои щеки. Я наклонился над гробом и поцеловал ее холодные руки, прикоснулся губами к ее фарфоровому лбу. Единственное, что мне тогда хотелось — это лечь рядом с ней. Но в этот момент маленькая, морщинистая рука Эстер взялась за мою и настойчиво потянула куда-то в сторону.

Я побрел следом, но сердце и мысли были по-прежнему около Эмили. Женская фигура преградила нам путь. Подняв взгляд, я увидел, что это была Эдисон.

Эдисон — прекрасна, и так невыносимо похожа на свою мать.

— Я знаю Вас, — уверенно заявила она. Под ее заплаканными, голубыми глазами образовались темные круги, от чего она казалась на десяток лет старше. — Вы Кайл.

— Нет, милая. Ты ошиблась, — вмешалась Эстер.

— Ари, мне не двенадцать, — серьезным тоном заявила девушка, обращаясь к Эстер. Я совсем забыл, что теперь Эстер носит другое имя. — Я знаю его. Мама мне все рассказала.

— Рассказала? — Переспросила Эстер.

— Да, я до сих пор не могу в это поверить, но другого объяснения этому я пока не нашла, — ответила Эдисон. — Кайл, мне необходимо с Вами поговорить. Давайте отойдем подальше, чтобы никто не подслушал.

Я, молча, кивнул и последовал за девушкой, идущей в сторону «голых» деревьев. Эстер было последовала за нами, но Эдисон попросила ее дать нам поговорить наедине. Лицо женщины наполнилось тревогой, но она выполнила просьбу.

— Первым делом я хочу сказать Вам, что мама любила моего отца, — резко развернувшись, произнесла девушка. — И пусть ее любовь была не такой сильной, как любовь папы, но она была. — На ее глаза навернулись слезы.

— Но и Вас она тоже любила. Умирая, она звала Вас. Не своего мужа, детей или внуков. Она звала именно Вас! — В ее словах было полно горечи и злобы, но я уверен в том, что это не имеет, никакого отношения ко мне. Так она справляется со своей болью.

— Я не понимаю, как такое возможно и скорее всего, просто не хочу верить в то, что рассказала мама, но... Вы ни на день не постарели. А посмотрите, что время сделало с моими родителями.

— Мне жаль, — надломленным голосом ответил я, стараясь не смотреть в небесно-голубые глаза Эдисон, глаза, напоминающие мне мою любимую.

— Еще бы, — прыснула девушка. Эдисон нет и тридцати, но на фоне нее я все равно выгляжу незрелым мальчишкой, которого отчитывает школьная учительница, от чего ее обращение на Вы, кажется еще более неуместным.

— Еще бы Вам было, не жаль. Вы поступили, как трус. Так легко ее отпустили. Я не говорю, что мама была несчастна в браке, нет. На самом деле я не встречала более дружную и любящую семью, чем наша. И в отношениях родителей было полно уважения и нежности,

но только от Вашего имени ее глаза загорались, как звезды на ночном небе. И мне не понятно, почему? Почему Вы ее отпустили?

— Эдисон, — тихо заговорил я, наконец-то встретившись с ней взглядом. — Я люблю твою маму. Люблю так же сильно, как и тридцать семь лет назад. Но я думал, что поступаю правильно. Алекс. Твой папа, — быстро поправился я. — Смог подарить ей то, что никогда не смог бы подарить ей я. У нее была ты и твой брат. Она обрела любящую, счастливую семью и наконец-то зажила спокойной жизнью.

— Но она так Вас любила, — заплакала девушка и, не выдержав, я обнял ее за плечи. — Я все время думаю об этом. Мне кажется, что из-за нас с братом она потеряла шанс на настоящее счастье.

— Нет, — резко сказал я, сжимая ее хрупкое плечо. — Ты, Эйден и Алекс были тем счастьем, которое Эмили так отчаянно желала. Ты не должна ни на секунду сомневаться в этом.

— Хорошо. — Эдисон хрупкими пальчиками вытерла слезы со своих щек. Она сняла сумку с плеча и вытащила от туда пухлый сверток, упакованный в небесно-голубую бумагу. — Это для Вас. Месяц назад мама отдала это мне. Сказала, чтобы я передала это Вам. Если быть честной, я сомневалась что Вы придете.

— Я сам сомневался. — Честно ответил я. Дрожащими руками я принял сверток из ее рук. Эдисон встала на носочки и обвила свои тонкие руки вокруг моей шеи. На мгновение мне показалось, что это Эмили.

— Спасибо, что пришли. — Прошептала девушка и унеслась в сторону своей семьи. А я так и стоял с закрытыми глазами и обращенным к небу лицом, отчаянно глотая водопад слез.

Май 2010 года

Ярко-оранжевый свет пробивается через распустившиеся листья вишни и освещает крохотную фигурку Эмили. Лучи угасающего солнца играют в ее белокурых волосах, то тут, то там запутываясь в кудрявых прядках. Тонкие пальчики, цепко сжимают очередную книжку в твердом переплете.

Сегодня, впрочем, как и в любой другой вечер, Эмили расположилась на веранде, удобно развалившись в одном из широких, ротанговых кресел. Как и она, я занял свое привычное кресло прямо напротив нее. Вот именно так и проходят наши совместные вечера. Эмили сидит с книжкой и греется в лучах заходящего солнца, я же изучаю каждую черточку на ее лице, линию губ, бровей, золото волос.

Я запомнил каждую мелочь: небольшую родинку над ее губой, россыпь ели заметных веснушек, маленькую морщинку между ее бровей (из-за того, что она часто хмуриться, когда происходящее в книге ей не по духу). Я просто выучил ее наизусть, так тщательно и подробно, что на протяжении всей своей оставшиеся жизни могу рисовать ее портреты закрытыми глазами.

Я вынужден проводить с ней двадцать четыре часа, семь дней в неделю. Днем я невидимой тенью ступаю по ее следу, а ночью отгоняю дурные сны.

Прошло уже полгода с момента моего назначения, и за это время я слишком сильно привязался к Эмили Бейли, раньше со мной такого никогда не происходило. Внутри меня бушуют (до сих пор невиданные для меня) чувства и каждый раз, когда около Эмили появляется очередной парень, мне хочется разнести весь мир в щепки. Но единственное, что я могу делать, это незаметно отваживать от нее поклонников, при этом стараясь не

привлекать к этому ЭХ внимание.

Радуется, что и сама Эмили не особо заинтересована в парнях, пытающихся ухаживать за ней. Куда больше ее привлекают книжные романы. Она в буквальном смысле читает их каждый вечер, а когда ложиться спать, мечтает встретить «своего принца». Мне же в свою очередь хочется стать для нее тем самым принцем.

Чувства, которые я испытываю к этому маленькому, милому созданию, до чертиков пугают меня. Я существую уже двести пятьдесят лет, и никогда за эти долгие годы я ни только не испытывал ничего подобного, я даже не догадывался, что подобные чувства существуют. А это означает, что, скорее всего я влюблен в свою подопечную.

Я нарушил самое главное и самое непростительное правило моего народа: ангел не имеет право испытывать такое великое чувство, как любовь.

Слово «Любовь» в нашем мире относится к разряду запрещенных. Даже за одно его упоминание можно получить наказание. Причем ОНИ каждый раз придумывают более изощренные методы наказания, предпочитая не повторяться.

С влюбленными ангелами поступают еще хуже — их изгоняют на землю, лишая крыльев.

Живым и здравствующим примером этому является Милан Уорнер. Это имя широко известно в Эдеме и каждый знает его историю и молиться всем богам, чтобы не оказаться на его месте.

Много лет назад Милан влюбился в свою подопечную. Ему дали возможность отказаться от любимой и вернуться в Эдем, но он не раздумывая, отказался. За это Старейшины наказали не только Мила, но и всех, кто каким-либо образом был причастен к нему.

Вслед за Миланом из Эдема изгнали его брата Даниэля, а так же чету Сингерое (Михаэля и Катарину) которые на протяжении сотни лет были близкими друзьями семьи Уорнер. Не смотря на то, что крылья у них отобрали, вечная жизнь стала им как часть наказания. Бессмертие проложило временную пропасть между Милом и Хлоей. Казалось, что плохого в вечной жизни? Но вы не узнаете, какой это ад, пока сами не пройдете через это.

И вот я, Кайл Купер, сын одного из старейшин, день за днем, вздох за вздохом все сильнее и сильнее влюбляюсь в прекрасную, добрую, неповторимую Эмили Бейли, ставя тем самым на кон не только свою жизнь, но и жизнь всей своей семьи.

Через несколько дней ее родители погибнут в автокатастрофе, и мне кажется, что если я не успею и Эмили умрет — я умру вместе с ней.

Глава 3

Когда умирает тот, на ком держится весь твой мир, становится безразлично, что может стать с самим тобой. Тебе больше не для кого держаться, и ты просто отпускаешь руки и падаешь в пустоту.

Впервые лицом к лицу мы встретились в день гибели ее родителей.

Я не видел, каким образом их машина оказалась на встречной полосе. И я пропустил тот момент, когда две машины на полной скорости столкнулись лоб в лоб.

Когда я оказался на месте аварии, родители Эмили были уже мертвы, а она сама лежала на асфальте, окруженная осколками стекла. У нее не было ни каких шансов выжить. Эмили последовала бы вслед за родителями еще до приезда скорой помощи. Мне пришлось

потратить уйму сил и энергии, на то, чтобы спасти ей жизнь. И я старался сделать все возможное, чтобы не потерять ее.

И я ее не потерял.

Эмс цеплялась за меня руками, словно котенок, который боится упасть в воду. Да и я сам в тот момент боялся ее отпустить. Ведь окажись я на месте аварии хоть на минуту позже — ее бы уже не было.

Именно в то мгновение, когда прекрасные глаза Эмили распахнулись, и она осознанным взглядом уставилась в хмурое небо, я окончательно понял, что безгранично влюблен.

Я обнял ее маленькое личико своими ладонями и прошептал: «Боже, Эмили, я так тебя люблю...». Я не знаю, каким образом эти слова сорвались с моих губ, в тот момент я совершенно не осознавал, что говорю. Просто продолжал шептать эти слова снова и снова, баюкая Эмили в своих объятиях. Радуюсь тому, что вырвал ее душу из цепких лап смерти.

Она ничего не ответила, и я даже подумал, что в тот момент Эмс не слышала меня. Но она слышала. Спустя два месяца она сказала мне, что тоже меня любит.

Песня доиграла, и мои уши наполнились душащей, звенящей тишиной, молчанием прощания, тяжестью пустоты. Я бросил последний взгляд на ели виднеющийся город, сел в машину и двинулся в путь, навстречу своей новой жизни.

Стихотворение, которое Алекс читал на похоронах Эмили никак не выходит из моей головы, и даже больше, не было и дня, чтобы я не вспоминал эти строки. Везде, в каждом уголке Линден Гров я видел ее, в лицах прохожих, в завывании ветра и даже в плаче дождя.

Наверное, вы спросите меня, почему я за нее не боролся? Почему так легко отказался от самого лучшего, что было в моей жизни? Почему ушел?

Ответ прост — она меня отпустила.

Будучи ангелом-хранителем я могу быть рядом со своим подопечным до тех пор, пока он во мне нуждается. И когда Эмили сказала, что отпускает меня, мое назначение к ней в ту же секунду было снято. После слов Эмили ни что на свете не смогло бы удержать меня на земле. У меня не было иного выбора, поэтому мне пришлось повиноваться ИХ решению.

Я прекрасно понимал, о чем Эмили говорила в тот день. Ее губы произнесли все то, что на протяжении шести лет разъедало мое сердце и мысли. Но Боже, даже оторванные крылья болят не так сильно, как разбитое вдребезги сердце.

Наверняка каждый (а если и не каждый, то многие) видел великолепный фильм «Я — легенда». В котором главный герой и его верный пес скитаются по пустынным улицам города, в поисках еды попутно придумывая себе развлечения. А в темноте города скрываются мутировавшие в не понятных существ люди.

Каждый раз, когда я смотрю этот фильм, мне невыносимо сильно хочется оказаться на месте главного героя.

Вы только представьте себе этот прекрасный мир, который совершенно лишен суетливых людей. А сквозь асфальт то тут, то там пробиваются ростки травы и полевых цветов. И вокруг стоит благоговейная тишина, словно в лесу после летнего дождя.

И ты сидишь на капоте ржавой машины и наблюдаешь за одичавшей, городской улицей. Все машины стоят мертвым грузом вдоль обочин дорог, их кузова оплетены вьющимися растениями, покрыты мхом и плесенью.

Это словно сказка. Мир без людей прекрасен и тих. Как бы я хотел оказаться там вместе с Эмили.

Но, ни ее, ни мира этого не существует.

И по этому, чтобы хоть как-то сохранить свой здравый смысл я шагнул в неизвестность.

Тилия Сити, город в который я сейчас направляюсь, находится в пяти часах езды от Линден Гров и по размерам он настолько мал, что все его жители, скорее всего, знают друг друга в лицо. В нашем штате он больше известен, как «Новый Линден Гров», хотя разница между постройкой городов всего лишь сто пятьдесят лет. Так, что ни тот ни другой город «новым» назвать нельзя.

Талия Сити, получил свое название из-за липовых деревьев, растущих на всех улицах города. Я еще не добрался туда, а мое воображение уже рисует волнительный запах, цветущих лип. Город состоит в основном из частных домов, лишь только в центре можно встретить трех, а то и четырех этажные здания. Так, что любителям высоток и современных построек в этом городе определенно не место.

Если быть честным, то на выбор нового места жительства я много времени не потратил. Лишь пролистал пару объявлений и выбрал то, что первым бросилось в глаза и более или менее мне подходило.

На первый взгляд, квартира выглядела довольно не плохой, но, разумеется, дела с ней обстоят куда хуже, чем описано в объявлении. Продавцам свойственно утаивать практически все нюансы сделки, но я полностью к этому готов. Денег и времени у меня больше чем достаточно, чтобы привести свое новое жилье в полный порядок.

По крайней мере, первое время мне будет, чем заняться.

Наконец-то оказавшись в конечной точке своего путешествия, а именно на улице Тринити Курт 1207, я заглушил мотор и вышел из машины. Солнце уже близилось к горизонту, напоминая мне о том, как сильно я устал.

Дом, возле которого я сейчас нахожусь, построен в виде перевернутой буквы «П». Внутри которой находится небольшой дворик с деревьями, клумбами и огромной беседкой. Из каждой квартиры в этот дворик выходят небольшие балкончики с витыми, коваными перилами. К моему величайшему удивлению здание выглядело почти так же хорошо, как и на фотографиях.

Достав с заднего сидения свои вещи и гитару, я двинулся вдоль по гравийной дорожке к дому, мимоходом рассматривая отдельные детали.

Моя квартира находится на втором (и собственно говоря, на последнем) этаже. И мне однозначно попался самый честный продавец из всех существующих в сети продавцов. Квартира оказалась в точности такой, какой ее описывали в объявлении.

Из мебели от прошлых жильцов мне осталась полностью обставленная, встроенная кухня, большой обеденный стол в гостиной и множество цветочных горшков.

Конечно же, эта квартирка видела и лучшие времена, но, не смотря на облупившуюся то тут, то там краску, и местами «вспузырившийся» паркет, помещение выглядит весьма ухоженным. Но мне все равно предстоит здесь изрядно поработать, чтобы, в конечном счете, я смог назвать это место домом.

На ремонт в квартире у меня ушло около трех недель. За это время я привел в полный порядок гостиную, спальню, коридор и сантехнику в ванной комнате. Саму же ванную, как

впрочем, и кухню я решил не трогать и оставить все в том виде, в каком они достались мне от предыдущих жильцов.

За время ремонта я успел познакомиться практически со всеми жильцами в нашем доме. Например, в квартире номер один живет Митч Вайтер, тридцати пяти летний холостяк, помешанный на видео играх и порно журналах. Женская половина нашего дома называет его «Шаловливая ручка». Я пытался выяснить, на чем именно основано это прозвище, но женщины лишь хихикают и отказываются что-либо объяснять. Ох, эти женщины!

Во второй квартире живет одна прелестная, пожилая пара Мистер и Миссис Куйн. Им обоим под шестьдесят, но они до сих пор безмерно влюблены друг в друга. Наблюдая за ними, я невольно вспоминаю Алекса и Эмили и мне сразу становится любопытно, как они выглядели со стороны. А как бы выглядели мы с Эмс, если бы вместе встретили старость? В пустую тратить время на такие раздумья, я знаю, но все равно думаю об этом.

В пятой и восьмой квартире живут молодые девушки: Айлин и Энни, которым около двадцати пяти. Но, даже не смотря на весьма молодой возраст, у Айлин уже есть семилетний сын.

Сэм, потрясающий, смысленый парнишка, который без конца мучает меня своими «почему» вопросами: «а почему идет дождь?», «а почему звезды видны только ночью?», «почему люди не умеют летать?». И его коронный вопрос: «Кайл, а почему у тебя глаза такие грустные?», на который я так и не придумал ответа, поэтому лишь пожимаю плечами и отвечаю: «Не знаю», каждый раз, когда он меня об этом спрашивает.

Миссис Эйвери, противная старушка из седьмой квартиры, уговорила меня устроить новоселье, как только я закончу с ремонтом. Я не особо горел желанием устраивать такого рода посиделки, но старушка говорила тоном, не приемлющим пререканий и отказа. Судя по всему, она ведет себя так со всеми жильцами этого дома, и именно из-за этого они ее и недолюбливают.

Но, не смотря на дурной характер и «колкий» язык, глаза у этого «Божьего одуванчика» невероятное добрые и теплые. Я же в свою очередь проникся к ней глубокой симпатией и постоянно помогаю ей по дому.

Мистер Эйвери, умер десять лет назад от сердечного приступа и с тех пор старушка живет совершенно одна. Дочь и сын уехали в Канаду, когда им исполнилось двадцать и с тех пор приезжают к ней лишь раз в несколько лет. Поэтому все свое внимание и заботу женщина отдает соседям и любимому псу Чаку.

Забрав из почтового ящика свежий номер газеты, я вышел во внутренний дворик и сел на скамейку в тени липового дерева. Я переделал все дела по дому, приведя квартиру почти в идеальное состояние, и теперь мне необходимо новое занятие. Развернув газету на предпоследних страницах, где обычно печатали объявления я начал бегло их просматривать.

Но глаза не цеплялись, ни за одну строчку, потому что мысли мои вертелись вокруг письма Эмили, которое покоится во внутреннем кармане моей кожаной куртки. Сегодня утром я вытащил его из дорожной сумки, но так и не решился открыть.

С похорон Эмили прошло уже семь месяцев, а я так и не набрался смелости, прочесть ее последние слова, излитые на бумагу.

Но, тем не менее, я прекрасно понимаю, что рано или поздно мне все равно придется столкнуться с этим лицом к лицу. И дальше бежать от правды нет смысла.

Стараясь не думать о том, что именно я делаю, я запустил руку во внутренний карман и выудил из него пухлый, голубой конверт. Внутри него были четыре, сложенные ровно по полум листочка, на котором «плясали» неровные, мелкие буквы написанные рукой Эмили.

Милый мой, Кайл.

Я пишу в пустоту, отчаянно надеясь, что это письмо все же попадет в твои руки.

Пишу все то, что так невыносимо разъедало мою душу на протяжении тридцати семи лет и эти строчки будут для меня освобождением.

Я всегда презирала людей, которые встречают свою истинную любовь, но слишком трусливы и слабы, чтобы за нее бороться. Презирала тех, к чьим рядам в итоге прильнула. Странная насмешка судьбы, правда? Хотя не страннее, чем любить человека и совсем не помнить, как именно зародилась твоя любовь.

Я любила тебя сорок два года, но помнила нашу историю лишь четыре из них.

Не справедливо...

И хотя твой отец частично рассказал мне о том, что происходило до того, как тебя у меня отобрали, эти крохи были ничтожны.

Я вспомнила все только полгода назад. В день моего рождения, когда впервые за столько лет я смогла увидеть тебя в живую. Ты был для меня самым лучшим подарком, такой молодой, красивый, яркий, мой совершенно не тронутый временем ангел.

Я бы могла сказать, что со временем мои чувства притупились, и я сумела тебя забыть. Так же я могла бы сказать, что совершенно не искала с тобой встречи. Что ты не мерещился мне на оживленных улицах и что мне не слышался твой мелодичный голос. Я бы могла много чего сказать в таком роде, но, ничего из этого не было бы правдой.

Я искала тебя в толпе. Я ощущала твое присутствие.

Я чувствовала тебя. Не смотря на то, что тебя нигде не было.

За несколько дней до свадьбы, я побывала в твоей квартире. Я знаю, что не должна была туда ходить, но эта тяга к тебе пересилила меня саму.

Несколько часов я просто сидела на кухонном полу и перебирала разноцветные бумажки с цитатами, которые ты постоянно мне присылал. Я не знаю, что я надеялась там найти, и совершенно не понимаю, почему думала, что это мне поможет. Это не помогло, мне стало еще хуже.

На самом дне той коробки было несколько фотографий. В основном на них была запечатлена я: счастливая, влюбленная, в развивающемся белом сарафане на фоне ясного, голубого неба с большой охапкой разноцветных воздушных шаров в руках. Я совершенно не помнила этот день, как в прочем и любой другой, связанный с тобой. Но больше всего меня заинтересовала твоя фотография, она была одной единственной в ворохе моих. Та, где ты стоишь на мосту, прислонившись спиной к его периллам, на тебе ярко-белая рубашка и темно-серые, зауженные брюки, а лучи солнца играют с твоими золотисто-русыми волосами. А самое главное, что на ней ты улыбаешься, от чего на твоих щеках образовались мои любимые ямочки, а медовые глаза превратились в янтарные. На ее обороте твоим красивым, ровным почерком было написано:

«И мы храним эту любовь на фотографии,

Те моменты, когда наши глаза были широко распахнуты,

Наши сердца ещё не были разбиты,

*И время, словно навсегда застыло...
И ты никогда не будешь одинока,
дождись лишь, пока я вернусь домой...»*

Я не помнила, откуда эти строчки, но самое главное я понимала, что именно они означают.

Я сохранила эту фотографию. Она и твое перо были единственным напоминанием о том, что ты был в моей жизни. Каждый раз, смотря на них, я понимала, что ты живой, ты существуешь, я тебя не придумала...

.....

(конец первой страницы)

Я благодарна Алексу за его любовь, поддержку и двух замечательных детей, которые он мне подарил, но я, ни на минуту не забывала тебя. Ты всегда жил в моем сердце, занимая в нем самую большую часть. И если бы я могла вернуться назад, в то время, когда мы жили вместе, до того как у меня отняли память и я ввязалась в гонку за медальонами. Я бы поступила иначе. Я бы сделала все, чтобы мы могли выбраться из этой ситуации вместе. Я бы ни за что тебя не отпустила.

Все это время я осуждала тебя за то, что сорок лет назад, ты ушел от меня и забрал с собой все мои воспоминания. Винила за то, что ты был рядом, так близко, на расстоянии вытянутой руки, но между нами лежала безграничная пропасть моей пустой памяти. Я жила тобой, совершенно не помня об этом.

Но в этом была и моя вина тоже. В нашу предпоследнюю встречу твой отец, сказал мне, что прошлый раз я сделала правильный выбор, и он надеется, что я и на этот раз проявлю мудрость. В тот момент я не особо понимала, о чем он говорит, но полгода назад, я наконец-то решила для себя эту загадку.

Летним утром, почти сорок лет назад, твой отец появился на пороге нашей квартиры просто из неоткуда, с необъятным ужасом в глазах. Он рассказал мне историю о Миле и Хлое, и что сделали старейшины, когда узнали о любви Мила к человеческой девушке. А еще он сказала, что по моей вине, тебя постигнет та же участь, но только в нашем случае в твоём сердце совершенно нет любви ко мне. Что ты настолько наивный и глупый, что перепутал обычную заботу о своем подопечном с таким великим чувством, как любовь. Он говорил это так искренни, так уверенно, словно ты сам ему в этом признался и я не знаю, чем именно я думала в тот момент, но я ему поверила.

Боже, как же глупа я была. Я настолько сильно любила тебя, восхищаясь твоим физическим и душевным совершенством, что в мое сердце невольно закрадывались сомнения о том, что такое небесное создание, как ты, мог полюбить обычную, заурядную меня. И слова твоего отца, лишь подтвердили мои сомнения.

Мое сердце наполнилось такой невыносимой болью, и чувством ничтожности, что я согласилась на то, чтобы тебя вырвали из моей жизни.

Я предала нашу любовь, Кайл и с тех пор моя душа — это водопад не пролитых слез. Мне словно воздух перекрыли.

Не знаю, сможешь ли ты простить меня, ведь я сама себя так и не простила.

.....

(конец второй страницы)

Ты попросил меня не тратить свою жизнь на того, кто меня не любит и я потратила ее на того, кого не люблю я. А это гораздо хуже.

Алекс замечательный, мы прекрасно понимаем, друг друга и, наверное, я не заслужила его. Я старалась его любить на столько, насколько мне было это под силу, но он заслуживал большего. Гораздо большего.

Знаешь, когда в жизни нет цели, то и жить, по сути, не хочется, я ощутила это на своей шкуре. Так было до тех пор, пока в моей жизни не появились дети. Сначала Эйден, а затем Эдисон. Ради них я научилась существовать и при этом радоваться своему существованию. Но все это время мне отчаянно тебя не хватало. Я любила тебя так сильно и безгранично, что больше ни на что тепла не хватало. Как жаль, что я слишком поздно вспомнила о том, как сильно мы любили друг друга.

Как сильно ты меня любил.

В последнее время я несколько месяцев подряд просыпалась посреди ночи со слезами на глазах, а во рту стоял металлический привкус крови. Это все было по тому, что я до хрипоты звала тебя сквозь пелену сна. Мой сон был настолько беспокойным, что муж не выдержал и в итоге стал спать в другой комнате, от чего каждую ночь я плакала еще сильнее.

Чувство одиночества становится сильнее под покровом ночи. И в те дни, я чувствовала себя безмерно одинокой.

Однажды ночью мой беспокойный сон развеяла чья-то рука, накрывшая мою щеку. Сначала я, было, подумала, что это ты, все же услышал мой зов и пришел со мной повидаться, но это был другой ангел — Лий. Той ночью мы долго разговаривали, он утешал меня и объяснил, что ты не приходишь ко мне во снах лишь потому, что больше не можешь, так как несколько месяцев назад отрекся от жизни ангела и стал человеком. Я даже не знала, что еще способна на такое обилие слез, и сожаления. Я винила себя в том, что не позволила тебе решать самому, какой дорогой идти. И может быть тогда ты бы стал человеком гораздо раньше.

Но это были не единственные новости, которые принес ангел. Второй новостью Лия было то, что жить мне осталось всего два месяца. Ты не поверишь, но я почувствовала такое великое облегчение, словно все эти годы я была покрыта толстым слоем цемента, а в ту секунду он просто взял и рассыпался прахом.

.....

(конец третьей страницы)

И сейчас, под конец своего письма, я хочу сделать именно то, что много лет назад сделал для меня ты.

Я тебя отпускаю.

Сейчас ты находишься на земле не в качестве ангельского посланника, а в роли человека. Человека, которому не обходимо быть счастливым.

Вокруг тебя будет много прекрасных девушек, не закрывайся от них, распахни свои глаза и открой сердце. Возможно на поиски «той самой» уйдут годы, но ты обязательно ее встретишь и я верю в то, что она сможет сделать тебя счастливым.

Не ищи меня в других. Ни в одной из них не будет даже малой крупицы меня. Ни к чему ранить свое сердце, сравнивая нас раз за разом.

Ищи ту, что будет совершенно на меня не похожа. Ту, что принесет в твою жизнь что-то новое, прекрасное, светлое. Я хочу быть на небе и знать, что где-то там, на земле ты живешь и ты безгранично счастлив.

Мне жаль, что у нашей красивой истории такой грустный конец. Но мы с тобой не герои какой-либо слащавой книжки, а в жизни не каждого ждет Happy End .

Я буду умирать с надеждой на то, что окажусь в другом, параллельном мире, где у нашей любви будет совершенно другой конец. В мире, где 19-го августа наши друзья и близкие будут осыпать нас с тобой рисом и конфетти, а на наших с тобой безмянных пальцах, будут блестеть обручальные кольца.

Я надеюсь, что хотя бы там, мы проживем с тобой долгую, счастливую жизнь. У нас будет все, как мы мечтали. Небольшой домик в маленьком городке, трое детишек: Ричард Александр Купер, Алексей Роберт Купер (в честь моего и твоего папы) и дочка Дженнифер Роуз Купер (в честь наших мам). Ты будешь преподавать историю в местном университете, а я вести небольшую колонку в захудалой газетенке.

И пусть у нас с тобой будут крохи, мы все равно будем такими счастливыми и безгранично влюбленными, что окружающие нас люди, будут упиваться завистью.

Когда я думаю об этом, то страх перед неизвестностью по ту сторону смерти практически отступает, уступая место предвкушению. И я всем сердцем надеюсь, что меня не поглотит бесконечная пустота.

Я люблю тебя, Кайл Купер. Любила и буду любить, даже тогда, когда мое сердце перестанет биться.

С самого первого взгляда и навсегда...

Вечно твоя.

Эмс.

Глава 4

Соседи собрались в моей квартире где-то около шести вечера. И каждый из них по домашней традиции принес что-то вкусенькое.

Все гости женского пола ведут себя непринужденно, по-хозяйски расставляя посуду, блюда, одновременно распределяя между всеми места за столом.

Мужчины же в свою очередь чувствуют себя весьма неловко. Еще бы, если учесть тот факт, что за три недели моего проживания в этом доме я не перекинулся с ними и парой слов.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Это так странно, раньше у меня совершенно не было проблем с общением, а сейчас я ели заставляю себя выйти из дома.

— Парни, — выдавливая из себя максимально вежливую, приветливую улыбку заговорил я. — Я, конечно, понимаю, что дамы у нас создания утонченные, — среди мужчин пробежался не большой смешок. Дин и Мистер Куин понимающе переглянулись. — Но нам потребуется что-то покрепче «веселых пузырьков».

Мой взгляд метнулся в сторону нескольких бутылок шампанского, которые Ким несколько минут назад поставила на стол.

Все мужчины понимающе переглянулись и я, усмехнувшись, покинул гостиную, но спустя минуту вернулся в нее, но уже с двумя литровыми бутылками текилы в руках.

— Бог мой, как хотите, но я с вами, — пропела Ким, забирая из моих рук одну из

бутылку.

— И я, — присоединилась Энни.

— Ну, уж нет, дамы, — Дин встал с дивана и выхватил бутылку из рук супруги. — Пейте свои «веселые пузырьки», держите подальше свои цепкие ручонки от нашей текилы.

— Чувак, дай пять! — Ко мне подошел Митч и подставил для удара свою пятерню. — Теперь этот вечер обещает быть продуктивным.

— Митч, давай договоримся на берегу, — Айлин обратилась к парню, приплясывающему с боку меня. — Если ты под «этим делом» попытаешься снова распустить свои поганые руки, я обрею твою голову на лысо.

— Это в лучшем случае, — присоединилась Ким. — А в худшем, мой муж вырвет твои яйца.

— Заметано, — слегка растерянно ответил Митч.

— А вам двоим, — старик Куин указал своим пухлым, морщинистым пальцем на Энни и Айлин. — Вообще лучше не пить, а то чего доброго передеретесь по пьяному делу.

— Передеремся? Из-за чего? — Спросила Айлин, ставя на стол тарелку со сладким картофелем.

— А то ты не знаешь... — С хитрым выражением на лице ответила Миссис Куин вместо своего мужа. А затем метнула осторожный взгляд в мою сторону. Я сделал вид, что совершенно не заметил этого весьма очевидного жеста, но щеки Айлин все равно залились ярко-алой краской.

— Так, хватит болтать. Пора садиться за стол. — Недовольно проговорила Ким, подталкивая всех в сторону свободных стульев.

— Кайл, — обратилась ко мне Кимберли, накалывая на вилку сладкий картофель. Все сидевшие за столом обратились в слух. — Вот ты живешь у нас под боком практически месяц, а мы по-прежнему ничего о тебе не знаем. Расскажи о себе.

— Что ты хочешь знать? — Спросил я, делая не большой глоток вишневого сока, но в тоже время не сводя глаз с собеседницы.

— Ты сказал, что приехал к нам из Линден Гров, но какая у тебя история?

— Моя история? — Грустно усмехнувшись, переспросил я, ставя на стол полупустой стакан. Откинувшись на спинку стула, я «впился» в него взглядом.

И что же мне ей рассказать? Как почти триста лет провел в статусе ангела-хранителя? О том, что предал свой род, влюбившись в человека, а затем предал и ее, послушавшись своего отца? О том, что искал способ вернуться на землю, а когда нашел, оказалось, что прошло почти сорок лет?

— Кимберли, если когда-нибудь ты узнаешь мою историю, то через сутки умрешь от обезвоживания. — Шутливо ответил я, сглаживая ситуацию. — Я подумываю о том, чтобы написать сценарий о своей жизни. Думаю, вышла бы потрясающая драма и я бы склотил на ней приличное состояние.

За столом послышался небольшой смешок, но Кимберли не сдавалась, смотря на меня в упор, своими пытливыми, зелеными глазками.

— И все же? — Настаивала она. — Есть же хоть что-то, что ты можешь нам рассказать?

Все намеки на веселье и улыбку стерлись с моего лица. Эта девушка не отстанет от меня, пока не получит то, что ей нужно. Поэтому я решил побережь свое время и дать ей краткий ответ, на ее надоедливый вопрос.

— Девушка, которую я люблю умерла семь месяцев назад, — ответил я, опустив глаза на свою полупустую тарелку. — И я решил переехать в другой город, чтобы хоть как-то сохранить свой здравый смысл.

— Любил, — вдруг сказал Дин.

— Что прости? — Переспросил я, переведя свой взгляд на Дина, не совсем понимая, о чем именно говорил парень. Тот слегка растерялся и заерзал на стуле.

— Ты оговорился. — Нервно сказал парень, его глаза забегали по лицам присутствующих, как бы ища одобрения, поддержки его словам. — Обычно об умерших говорят в прошедшем времени. А ты сказал в настоящем.

— Я все правильно сказал, — как можно более нормальным тоном ответил я, хотя Дин видел по моим глазам, что ступил на запретную территорию и в следующий раз ему надо несколько раз подумать, прежде чем вступать туда, куда его не просят.

— Прости, парень. Я не хотел тебя как-то обидеть. Я просто...

— Все нормально. — Я оборвал его словесный поток.

— Но что с ней случилось? — Вмешалась Айлин. Ее темные, похожие на черный шоколад глаза, наполнились тревогой и сочувствием, таким искренним и неподдельным, что весь мой пыл спал, и я немного расслабился. Я защищаю память о ней так же рьяно и отчаянно, как раньше защищал саму Эмили.

— У нее был рак.

— Бог ты мой! — Почти хором произнесли женщины за столом.

— Бедная девочка. — Прижав ладонь к сердцу сказала Миссис Эйвери. Забавно было бы посмотреть на выражение ее лица, когда бы она узнала, что Эмили было почти столько же сколько ей самой. Да вот только даже для меня самого, Эмс по-прежнему двадцать два года и она беспокоится о том, как бы по быстрее дописать дипломную работу.

— Кай, прости меня Бога ради, — взмолилась Ким. — Если бы я только знала, я бы не за что не завела этот разговор.

— Все нормально, Ким, рано или поздно мне бы все равно пришлось поговорить об этом.

— И как долго вы были вместе? — Вмешалась Энн, которая до этого вела себя подозрительно тихо. Айлин, послала ей предупреждающий взгляд, но та лишь пожала плечами, мол: «А что тут такого? Я просто спросила...».

— Эти цифры ничего тебе не скажут. — Равнодушно ответил я, смотря ей прямо в глаза. — Сколько бы времени я не провел рядом с Эмили мне всегда было бы мало.

Я был рядом с ней всего шесть незначительных лет, но любил я ее почти полвека, и до тех пор, пока память о ней будет жива, я буду продолжать ее любить. Ни кому из людей не понять, что именно я чувствую к этой девушке. Без нее я все делаю на половину: вижу, дышу, живу, чувствую. И, наверное, я уже никогда не смогу стать полноценным.

— Я предлагаю тост! — Спыхватился Митч, уводя разговор в другую сторону. — За настоящую любовь и мои красные подштанники!

Мы дружно расхохотались и подняли вверх свои полупустые бокалы.

— Ты играешь? — Спросила меня Энн вернувшись в гостиную с гитарой Эмили в руках. От того, что к этой вещи прикасается кто-то посторонний мое сердце сдавило тисками, а все тело напряглось, став каменным.

— Немного... — Сдавленным голосом ответил я не отводя глаз от гитары. Девушка шла

в мою сторону слегка шаткой походкой, это давали о себе знать выпитые ею бокалы шампанского. Ни кто из гостей так и не заметил перемены в моем настроении.

— Сыграешь нам? — Пьяным, кокетливым голосом продолжала говорить Энн, смахивая с плеча свои каштановые пряди, ее светло-карие глаза блестели в свете ламп. Айлин и Ким присоединились к ее просьбе, не оставляя мне права на отказ.

— Ладно. — Стараясь улыбаться, ответил я. — Но только одну песню. Я хочу принимать участие в веселье, а не просто создавать его.

Кимберли победоносно вскинула руки вверх, над своей белокурой головой.

Я забрал гитару из рук Энн и лихорадочно стал соображать, какую именно песню исполнить. Для веселой у меня совершенно не было настроения, а грустная испортит его другим. Поэтому мне пришлось выбрать что-то среднее.

Я несколько лет не играл на этой гитаре, и казалось бы, давным-давно должен был бы забыть, как это делается, но мои руки, все еще помнили все вместо меня.

В последний раз Эмили играла на ней в моем доме, спустя несколько дней после своего двадцать второго дня рождения. А я сидел напротив нее и не верил своему счастью. Я и подумать не мог, что когда-нибудь снова услышу, как она поет для меня.

Я еще несколько раз пробежался пальцами по струнам, разгоняя пелену воспоминаний, а затем, слегка прочистив горло — запел:

*Как осколочек солнца, я держал своё зеркальце в пальчиках.
В твои окна глядел и пускал к тебе солнечных зайчиков.
Для тебя, я всегда, был простым, незатейливым мальчиком.
А я всерьёз, любил слёз.*

*Я целовал тебя во снах, среди берёз,
а наяву дарил тебе букеты роз.
Я за тобой бродил, как самый верный пёс.
И я до слёз, любил одну тебя всерьёз.
Я уходил, но возвращался каждый раз.
С ума сходил от твоих губ и твоих глаз.
Я упустил последний шанс,
и время разлучило нас.*

Я старался петь и играть от всего сердца, так словно сейчас в этой комнате, среди гостей находится моя Эмили. Как обычно сидит, подобрав под себя ноги, смотрит на меня большими, распахнутыми «небесными» глазами, наматывая белокурый локон на свой указательный палец. А на ее пухлых губах играет милая улыбка.

На секунду мне и, правда показалось, что ее прекрасное лицо мелькнуло среди толпы гостей, от этого мое сердце, подскочив, ударилось о горло и рухнуло обратно. В моих глазах зашипало.

*Всё течёт, всё бежит, всё куда-то спешит, изменяется.
Ты прости, я ушел и с тобой кто-то новый встречается.
Только сны о тебе, до сих пор, ко мне вновь возвращаются.
Ведь я всерьёз, любил до слёз.*

*Я целовал тебя во снах, среди берёз,
а наяву дарил тебе букеты роз.
Я за тобой бродил, как самый верный пёс.
И я до слёз, любил одну тебя всерьёз.
Я уходил, но возвращался каждый раз.
С ума сходил от твоих губ и твоих глаз.
Я упустил последний шанс,
и время разлучило нас.*

Зеленые глаза Кимберли наполнились слезами и девушка, нежно взяв мужа за руку переплела их пальцы. Дин наклонился и поцеловал в губы свою супругу, а затем нежно смахнул слезы с ее щек.

— Эх, девочки, — мечтательно произнесла Миссис Эйвери, как только звуки гитары стихли. — Ни для одной из вас в сердце этого красавчика нет места.

— Почему это? — Послышался удивленный голос Ким.

— Вы все не видите дальше своего носа. — Раздраженно пробубнила старушка, указывая на девушек своим пальцем. — Его сердце без остатка отдано другой женщине и ни одна из вас не сможет туда протиснуться.

В комнате повисла плотная, почти осязаемая на ощупь тишина. Я, молча, встал и покинул комнату, прихватив вместе с собой гитару.

Если бы ты знала, старушка Эйвери, как сильно ты права в это минуту.

Глава 5

На лестничной площадке, у самого окна, есть небольшое углубление размером с половину кирпича. В нем Митч прячет свои сигареты. Я заметил это лишь несколько дней назад, когда вытаскивал остатки хлама из своей квартиры. Другой бы на моем месте возмутился, из-за того что сосед покуривает практически под твоей дверью, но мне же было все равно. Я совершенно равнодушно отношусь к сигаретам, так же как и к тем, кто к ним пристрастен. Я же всегда был лишен каких-либо зависимостей и пороков, но именно, после того, как минуту назад я вывернул свою душу наизнанку перед горсткой незнакомцев, мне впервые захотелось покурить.

Я ни чувствовал, ничего, ни стыда, ни боли, ни разочарования. Внутри меня зияет огромная, черная дыра, похожая на пропасть и мне лишь хочется заполнить ее хоть чем-то.

Сунув руку в небольшую щель, я быстро нащупал бумажную коробку и вытащил ее наружу. Пачка сигарет уже наполовину пуста, да я думаю Митч не сильно разозлится, обнаружив недостаток. Я зажал сигарету между зубами и подпалил ее с помощью старой, потасканной зажигалки соседа. Едкий и вязкий дым опалил мое горло при первой же затяжке. Но чем больше дыма я поглощал, тем легче мне становилось. Опьянение табака смешалось с алкогольным опьянением, наполняя меня чувством эйфории.

Я делаю то же самое, что делала Эмили после гибели родителей — заполняю пустоту.

Когда ее родители погибли в мае 2010 года, Эмили, выйдя из больницы никак не могла придти в себя. Несколько дней подряд она лежала в своей постели, практически не выходя из нее и смотрела в пустоту, не мигая.

Она походила на живой труп, который ничего не видит, ничего не слышит, ничего не

чувствует. Но она чувствовала. И я чувствовал всю испытываемую ей боль. За десять дней такого существования, она жутко потеряла в весе. Мама Эстер, Миссис Брит, решила обратиться к специалистам, но единственное, что они ей предложили, это поместить Эмили в психиатрическую лечебницу. Я же не мог этого допустить. В туже ночь, пока Эстер спала на соседней кровати, я прокрался в их комнату и применил (как их называла Эмили) «ангельские штучки». Иными словами, я забрал ее боль. Да только вот от этого стало еще хуже. Чувство боли ушло, да только вот чувство потери осталось. И я никак не мог это справиться. Она «убивала» себя алкоголем, сигаретами, парнями и вечными клубами. Все это продолжалось ровно до тех пор, пока однажды мне это не осточертело и я не решил вмешаться. Мне было запрещено без надобности принимать материальный вид, но я и в этот раз наплевал на запреты своего отца. В августе того же года, я вошел в жизнь Эмили твердой, уверенной походкой и это навсегда ее изменило. Она словно очнулась от кошмара.

— Я вижу, ты нашел мой тайник. — Из-за спины послышался веселый, мужской голос.

Я сделал последнюю затяжку, докурив сигарету практически до фильтра и потушив, бросил в урну.

— Можно и так сказать. — Поворачиваясь лицом к собеседнику, ответил я. Митч стоял в шагах в пяти от меня и держал в руках две банки пива. — Прости за это, — я покрутил полупустую пачку сигарет в руках. — На днях увидел, как ты ее туда прятал. Никогда в жизни не курил, но вот сегодня захотелось попробовать.

— Осторожнее парень, — задорно проговорил сосед, протягивая мне одну из банок. — В седьмом классе, я вот тоже так однажды попробовал и вот теперь мне тридцать пять, а я все никак не могу бросить эту дурную привычку.

Я лишь добродушно улыбнулся собеседнику и открыл свое пиво. Понятия не имею, почему дамы из нашего дома не особо хорошо относятся к этому парню. Есть в нем что-то хорошее, не смотря на неряшливый вид, легкую полноту и лохматые волосы, у него приятная, мужественная внешность. И попади он в мудрые женские руки из него вышел бы отличный муж.

— Да, дамочки у нас еще те балаболки. — Не обращая никакого внимания на мою молчаливость, продолжал говорить парень. — Не обращай на них никакого внимания. Да они любопытны, но проще рассказать им все, что их интересует, иначе они будут тебя пытаться. Бесконечные пытки, это их конек. Но ты не думай, никто из них не хотел тебя обидеть.

— Я знаю.

— Просто мы все здесь, как одна большая семья. И, разумеется, в каждой семье есть споры, скандалы и даже драки. Кого-то любят больше, а кого-то меньше. — Попивая свое пиво, говорил Митч.

Мы уселись на ступеньки лестницы плечом к плечу. И наконец-то за весь вечер я смог почувствовать себя нормально. Мне, было, комфортно находится рядом с этим неряшливым парнем. Он не давил на меня своими расспросами, не спрашивал о прошлой жизни, о Эмили. Он просто говорил за свою жизнь и это казалось таким нормальным. Таким обыденным.

— Меня вот, например, совершенно не любят. — Не смотря на то, что в его словах не было ничего смешного, Митч рассмеялся, таким задорным и живым смехом, что я рефлекторно рассмеялся в ответ.

— Ну, это уж ты точно преувеличиваешь. — Поднеся к губам пиво, сказал я, а затем сделал большой глоток.

— Ну, может быть. — Сосед неохотно признал мои слова. — Но и любви у них ко мне явно мало. Но меня это устраивает, подобным образом я могу держать их на прилично от себя расстоянии. Я вроде, как и не изгой, но и не душа компании.

Он говорил это так, словно всерьез задумывался об этом и такая ситуация и впрямь начала его устраивать. Я же никогда не вел подобный образ жизни, всегда и везде, находясь в любой компании, я каким-то образом привлекал внимание всех, и я буду лгуном, если скажу, что мне это не нравилось. Но сейчас, слушая слова Митча, я понимаю, насколько разумны его слова и что проще всего держаться в стороне от этого.

— Я смотрю, ты серьезно задумался над этим. — Подмигнул Митч. — Но ты даже можешь не думать об этом, твоя морда слишком смазливая, чтобы наши женщины позволили тебе быть в стороне. — Митч допил свое пиво и поставил пустую бутылку на ступеньку ниже той, на которой мы сейчас сидели. — На самом деле, я думаю нам надо купить надувной бассейн и два ведра шоколада. Объявить тебя главным призом, а затем посадить в этот самый бассейн с шоколадом Айлин и Энни. Вот это было бы зрелище.

Его слова мне не казались смешными, но я рассмеялся так громко, что эхо моего смеха разнеслось по всему дому. Митч встал, положил свою пухлую руку на мое плечо и кивнул в сторону двери в мою квартиру.

— Думаю, нам пора возвращаться. — Он мне подмигнул. — Не хорошо хозяину оставлять гостей.

Январь 2052 года

Ты мне постоянно снишься.

Каждую ночь я ложусь спать и знаю, что по ту сторону занавеса меня ждешь ты. Такая красивая, молодая, влюбленная. Такая «моя». От белоснежных волос до кончиков нежных пальцев — моя. Ты всегда улыбаешься, смеешься и рассказываешь мне о том, как прошел твой день.

А я снова и снова целую твои губы, щеки, лоб, нежные руки и плечи. Каждую ночь я обнимаю тебя так крепко, так неистово, но совершенно, ничего не чувствую. Я словно бродяга, который прошел через пустыню длинную в жизнь и теперь отчаянно пытается напиться, но его жажда неутолима. Так и я пытаюсь «напиться» тобой, но вся нежность пропадает в бездонной яме, так и не успев добрать до меня.

Мне так хочется почувствовать твоё тепло, насладиться вкусом твоих губ, голубизной глаз и запахом волос. Неужели моя жизнь так и будет состоять из погоней за той, кто уже не существует? Это слишком жестоко, даже для меня.

Все говорят, что время лучший лекарь от несчастной любви. Оно заветривает воспоминания, притупляет боль, уменьшает чувства. Время помогает встать на ноги и идти дальше. Время спасает.

Но, Боже мой, Эмили, когда тебя нигде нет, мне и самому существовать не хочется...

Глава 6

Я возвращался из магазина с двумя большими пакетами продуктов для ужина и уже был у своей двери, когда маленькие ручки ребенка обвилились вокруг моего пояса.

— Кайл!!! — Сэм, прилагая все усилия, прижал меня к себе, необъятная улыбка разлилась по лицу ребенка. — Привет!

— Привет, Сэм. Как дела? — Улыбнулся я, потрепав малыша по голове.

— Отлично. Представляешь, мы с мамой идем в кино. — Ребенок просто переполнен восторгом. Его мама, Айлин появилась из своей квартиры, дверь позади нее со щелчком

захлопнулась. Ее глаза нашли мои, и она сразу расцвела, типичная реакция для всего женского населения этого дома.

— Тебе помочь? — Махнула девушка в сторону переполненных пакетов, но я нагнулся и поставил их на коврик у двери.

— Нет, спасибо.

Парнишка принялся разглядывать содержимое моих пакетов, пока я возился с дверью.

— Ждешь гостей? — Поинтересовалась Айлин. — Или особый повод?

— Ни то ни другое. — Я занес пакеты внутрь и вернулся к соседям, Сэм нетерпеливо подпрыгивал вокруг своей мамы. — Просто пытаюсь поддерживать субботнюю традицию. Так что за фильм?

— Про пиратов. — Радостно ответил Сэм. — Кайл, а что ты будешь готовить?

— М-м-м, самое вкусное блюдо в мире — Паэлью.

— Паэль что? — Недоумевающим спросил мальчик.

— Па-эль-я.

— И что такое эта Па-эль-я?

— На самом деле ничего особенного, рис с курицей, овощами и морепродуктами. — Смеясь, ответил я.

— Должно быть это вкусно. — Сказала Айлин, смотря на меня пытливым взглядом своих карих глаз, я лишь улыбнулся в ответ. Девушка явно рассчитывала на приглашение, это читалось в ее глазах. К сожалению, я не видел причин, чтобы не позвать ее и Сэма.

— Если у вас нет планов на вечер, приходите ко мне. Будем поддерживать традицию вместе. — Я заговорщически подмигнул Сэму и тот запрыгал от радости, довольный возможностью провести со мной время.

— Ой, да что ты. — Смутившись, ответила Айлин. — Мы не хотим мешать.

— Вы и не помешаете. Поем Паэлью в полном одиночестве в следующую субботу. — Пошутил я, и девушка смущенно улыбнулась. — Ну, что? Я жду вас в семь?

— Ладно, мы придем. — Ее щеки покрылись легким румянцем, схватив сына за руку, она потащила его к ступенькам. — Спасибо за приглашение.

— До вечера сказал я и зашел в свою квартиру.

Айлин и Сэм пришли ровно в семь, захватив на десерт персиковый пирог, приготовленный по семейному рецепту. Мне было странно наблюдать за тем, как гостя по-хозяйски ведет себя на моей кухне, помогая мне накрыть на стол. Сэм необычайно тих и совершенно не привлекает к себе внимание, что совершенно ему не свойственно. Скорее всего, Айлин провела с ним воспитательную беседу и, надавив, внушила ему смирное поведение. Не знаю как, но это сработало.

— Изумительно, я не думала, что это настолько вкусно. — Сказала Айлин, пробуя Паэлью. Я лишь улыбнулся. Даже самое любимое блюдо может стать безвкусным если есть его на протяжении стольких лет.

Я посчитал, что Паэлья не особо подходящее блюдо для детей, поэтому приготовил сладкий картофель и овощи на пару. Сначала Сэм отказывался, есть овощи, но я склонился к нему так, словно собираюсь сообщить самую сокровенную тайну и прошептал: *«Знаешь, в детстве я всегда ел овощи и посмотри, каким я вырос»*. Больше Сэма уговаривать не пришлось, он уплетал еду за обе щеки.

— Наверное, это семейный рецепт? — Осторожно поинтересовалась девушка.

— Нет, на самом деле мы вычитали его в интернете.

— Так сразу и не скажешь. — Удивилась Айлин. — А почему именно это блюдо? Есть какая-то история, связанная с этой традицией?

— На самом деле нет, — рассмеялся я, кладя локти на стол. — Просто это единственное блюдо, которое моя девушка умела готовить. Попытки приготовить что-либо другое заканчивались провалом.

— Ну, надо же. — Айлин заразилась моим смехом. И мимолетно спросила, даже не подозревая о том, как сильно меня заденет этот вопрос. — Какой она была?

Все веселье стерлось с моего лица. А меня накрыло волной воспоминаний.

Я вспомнил ту ночь, которую мы провели с Эмили, спустя три года разлуки. Ее горящие глаза, нежная, гладкая кожа и мягкие, словно лепестки роз губы до сих пор сняты мне во снах.

Я помню, как ее губы двигались по моей коже, опускаясь все ниже и ниже, оставляя позади себя, горящие огнем следы. Наши прикосновения друг к другу сводили меня сума, я разрывался на части от переполняющих меня чувств. Каждое движение ее тела и губ просто убивали меня. В ее объятиях я умирал и рождался заново.

И до конца своей жизни я не забуду, как ее тело дрожало в моих объятиях, когда она шептала мне на ухо: «*Я люблю тебя, Кайл*».

Может быть, расскажи я ей все, без утайки наша история закончилась бы по-другому. Все-то время, что мы провели вместе во время этой бешеной погони за медальонами, я боялся, что Эмили все вспомнит. Вспомнит, как сильно мы друг друга любили и то, как я предал нашу любовь, когда согласился на предложение моего отца и выбрал остаться рядом с Эмили, хотя знал, что у нее отберут даже самое крохотное воспоминание обо мне.

В то утро, после проведенной с ней ночи, когда я проснулся один в ее постели, ОНИ вызвали меня наверх и поставили перед тем же самым выбором, на который в этот раз я не собирался соглашаться. Я знал наверняка, что глубина наших чувств слишком велика, чтобы в очередной раз лишать нас друг друга. Она любила меня, любила так сильно, что, не смотря на все старания Старейшин отобрать у нее это чувство, она продолжала держаться за меня. И после этого всего, я не мог в очередной раз опустить руки. Я не мог уйти и снова делать вид, что ничего этого не было. Я больше не мог.

Среди ангелов я слышал о том, что есть один падший ангел, который за определенную плату стирает ангельскую метку, тем самым снимая с радара старейшин. Все в Эдеме будут считать тебя погибшим. И не смотря на то, что крылья остаются, попасть в Эдем больше было бы нельзя. Это не такая уж большая плата за возможность быть с любимой. Мне потребовалось несколько дней, чтобы разыскать этого парня и договориться с ним о встрече, и я уже был готов рассказать обо всем Эмили, но в тот день она оборвала все нити, связывающие нас и отправила меня домой.

— Кайл? — Насторожившись, позвала меня Айлин, вырывая из стихийного потока воспоминаний. — Ты меня пугаешь.

Я улыбнулся: — Я просто задумался.

— Так ты расскажешь мне о Эмили? — С надеждой в глазах спросила девушка, но в глубине ее глаз я видел проблески ревности и волнения.

— Я не уверен, что ты захочешь это слышать.

— Наоборот, мне очень интересно узнать о ней. Наверное, она была действительно особенной, раз смогла заполнить твое сердце.

Ой, Айлин, если бы ты знала, насколько она была особенной. Она была необыкновенной, раз я — бесчувственный ангел, влюбился в нее. Но вместо этой откровенной речи я сказал:

— Каждый из нас по-своему особенный и для каждого из нас предначертан определенный человек. Как вы говорите? Родственная душа?

— Мы говорим? — Вскинув брови, переспросила Айлин. Сэм сидит возле нее и молча ковыряется в тарелке, казалось, что вся скука мира легла на плечи этому ребенку.

— Женщины обычно так говорит. — Поспешно начал исправляться я, хотя говоря «вы» я имел в виду не женщин, а все человечество в целом.

— Ааа, но мужчины, же тоже мечтают встретить свою родственную душу? — Как ни в чем не бывало, продолжила она. — Или же я ошибаюсь?

Я лишь пожал плечами, не зная, что именно ответить на этот вопрос. Я не мечтал о встрече с Эмили, судьба сама нас свела. И я уверен, что в мире нет другой такой души, какая была у нее.

Я не осознал, в какой именно момент Сэм выскользнул из-за стола и взял в руки свой футбольный мячик. Я лишь услышал, как с глухим ударом мячик несколько раз ударился об пол, а потом он просто выскользнул из рук мальчика и полетел в сторону.

Я вижу все так, словно это происходит не по-настоящему. По крайней мере, я всячески надеюсь на то, что это мое больное воображение рисует подобную картину. Футбольный мяч Сэма отскакивает от пола, один раз, второй, третий, и на четвертом скачке он врезается в стеклянную рамку с фотографией Эмили, сбивая ее с тумбочки на пол.

Мои уши пронзает звук битого стекла, а глаза различают даже самые крохотные кристаллики стекляшек, которые сейчас рассыпаны по деревянному полу.

Я замер, словно под дулом пистолета.

Айлин рассмеялась, всячески стараясь перевести все случившееся в шутку. Даже находясь в трех метрах от разбитой рамки, я вижу, что фотография Эмили порвана.

Где-то глубоко в подсознании я прекрасно понимаю, что Сэм лишь ребенок, и он совершенно случайно разбил рамку, тем самым испортив последнюю фотографию моей любимой. Только благодаря этой фотографии я все еще не забыл ее лицо, и теперь мое последнее напоминание испорчено.

Меня переполнила всепоглощающая ярость. Она словно липкая волна ползла по моим ногам, забираясь все выше и выше, пока не запеленила глаза, не заполнила уши и все клеточки головного мозга. Именно находясь на такой грани люди и способны на жестокие и необдуманные поступки. И в данную минуту я, как никогда это осознаю.

Я резко встал, ножки стула громко скрипнули по деревянному полу, заставляя нелепый смех Айлин моментально смолкнуть. Она застыла словно каменная, с выпученными от удивления глазами.

Я же чувствовал, как мои глаза налились кровью, а лицо пылало огнем. Если бы взглядом можно было убить, Айлин и ее сын в эту же секунду были бы мертвы.

Я прекрасно понимал, что нахожусь на грани срыва, и чтобы не сделать ничего из ряда того, о чем я потом буду жалеть, я выскочил из собственной квартиры так быстро, как только это было возможно.

Я ненавижу людей за их бесцеремонность к чужим вещам и глупую неуклюжесть. Маленький мальчик, одним беззаботным движением разрушил оставшуюся половину моего мира и в ту секунду я был готов на все, чтобы отомстить. Даже на убийство.

20 августа 2014 года

Я никогда в жизни не страшился одной лишь мысли о том, что скоро наступит рассвет. Как говорится: «Утро вечера мудренее», так вот к данному случаю это выражение никак не относится. С наступлением рассвета мне не станет легче. Не уверен, что мне вообще когда-нибудь сможет стать лучше.

Костяшки на моих руках сбиты в кровь, и я просто вне себя от ярости. Я столько всего натворил за последние три часа, что даже родная мама не поверила бы, что я на такое способен.

Одним словом, вместо квартиры у меня теперь одна большая свалка, потому что я разнес все в клочья. Единственное, что уцелело после выплеска моих эмоций — гитара Эмили. Я не посмел к ней прикоснуться.

И вот сейчас, я стою у изножья ее кровати, а мое сердце, разорванное на части валяется у моих ног. Вот она рядом, в нескольких сантиметрах, но еще, ни разу она не была настолько далеко от меня. На расстоянии тысячи планет.

Все вокруг такое холодное и чужое. Чужая квартира, постель, даже сама Эмили теперь чужая.

Первые лучи солнца, прокравшись в ее новую спальню, проскользнули по подушке и с нежностью пушинки прикоснулись к ее прекрасному лицу. Она улыбнулась, лениво приоткрыла глаза, потянулась, словно кошечка и посмотрела на меня. Ее улыбка стала еще шире и радостнее, а мое сердце учащенно забилось, может у них не вышло? Может она меня не забыла?

Но нет, ее глаза прошли сквозь меня и уперлись в ясное, голубое, августовское небо. Чистое небо — вот причина ее улыбки. Я плотно сжал челюсть, борясь с подступившими к горлу слезами.

Откинув белое, словно облако одеяло она выбралась из постели, одернула задравшуюся во время сна пижаму и зашагала в сторону своей ванной. Эмили делает это так, словно на протяжении трех лет она жила именно здесь, делала это каждое утро и совершенно не знала о моем существовании. Из ванной доносятся звуки воды, и тихое пение моей любимой. Я прислонился к ее двери и сполз на пол, запустив свои сбитые в кровь пальцы в волосы, я черт подери, разрыдался, как мальчишка.

Эмили меня не помнит.

С какого хрена я подумал, что так нам будет проще всего? С какого хрена я думал, что мне будет проще быть с ней рядом, даже зная, что у нее отобрали даже малые крупицы воспоминаний обо мне? Я гребанный идиот, если действительно верил в это. Лучше бы ОНИ меня убили.

Глава 7

— Привет! — Слегка растеряно проговорила Айлин вскакивая с моего дивана, как только я показался в дверном проеме гостиной. — Я решила тебя дождаться.

Я кивнул и молча, осмотрел комнату, Айлин убрала со стола, следов Сэма нигде не было, так же как осколков стекла и битой фоторамки.

— Где Сэм? — Ничего не выражающим голосом спросил я.

— Я уложила его спать. — Нерешительно проговорила девушка. — Он жутко расстроился из-за случившегося, мне так жаль.

— Все в порядке. — Перебил я ее.

— В том-то и дело, Кайл. — Сделав два быстрых шага, Айлин остановилась напротив меня и заглянула в глаза. — Это обычная фотография, я совершенно не понимаю, почему ты так отреагировал на такой пустяк. Если дело в фоторамке, то я куплю тебе новую.

— Дело не в фоторамке. — Резко оборвал ее я, девушка вздрогнула от резкости в моем голосе. — Дело в фотографии.

— Но это обычная фотография, Кайл я...

— Это не обычная фотография, Айлин! — Выкрикнул я, но увидев испуг на ее лице, я постарался, взял себя в руки, а затем продолжил: — Это последняя фотография, что у меня осталась.

Глаза Айлин наполнились сожалением, а рука метнулась к сердцу и накрыла его. Я молча, наблюдаю за ее реакцией, а она смотрит на меня молчаливым взглядом, заикливаясь на моих губах и я отчетливо прослеживаю все ее мысли.

Она делает нерешительный шаг мне на встречу, я же стою не подвижно, сотня мыслей проносится у меня в голове, столько боли проходит через мое сердце.

«Вокруг тебя будет много прекрасных девушек, не закрывайся от них, распахни свои глаза и открой сердце. Возможно на поиски «той самой» уйдут годы, но ты обязательно ее встретишь и я верю в то, что она сможет сделать тебя счастливым».

Эхом в моей голове разноситься голос Эмили. Как я узнаю, смогу ли я отпустить ее, если даже не пытаюсь? Как я забуду Эмс, если постоянно ее вспоминаю?

Лицо Айлин в нескольких сантиметрах от меня и я не смею пошевелиться. Я чувствую ее мягкое дыхание на своих губах, я чувствую, как они сокращают расстояние и прикасаются к моим.

Мне бы хотелось позволить ей целовать меня. Мне бы хотелось прижать ее к себе, запустить руки под ее блузку и насладиться гладкостью и нежностью ее кожи. Мне бы хотелось сгорать от желания обладать Айлин, но вместо этого мое сердце сковывается толстой коркой льда.

Я делаю шаг назад. Один крохотный шаг в прошлое.

Айлин резко распахивает глаза полные обиды и выглядит так, словно я только что ударил ее по лицу.

— Ты не герой фантастического фильма, Кайл! — Взрывается девушка, метая в меня убийственные, обиженные взгляды. — Мы живем в мире, где мертвые не воскресают. Она умерла, Кайл. Твоей Эмили больше нет, и хочешь ты того или нет, но тебе все равно придется смириться с этим и жить дальше. — Ее слова для меня подобны удару под дых.

— Ты собственноручно закапываешь себя под землю, хотя должен двигаться дальше. — Продолжает выпалить Айлин, сжимая крохотные ручки в кулаки. Я до сих пор не могу шевелиться. — Нельзя гоняться за призраками, от этого сходят сума.

Айлин стоит посреди комнаты и ее шоколадные глаза полны обиды, мольбы и боли. Розовая заколка в ее волосах наполовину сползла, из нее выскользнули несколько темных прядей, которые каймой окружили ее милое личико. Пухлые губы девушки превратились в тонкую линию, а по обычному бледные щеки запылали, словно спелые маки. Она в нетерпении переминается с ноги на ногу, сжимая правой рукой край своей бежевой блузки.

— Я люблю ее, Айлин, всем своим сердцем. — Наконец отвечаю я. — Я, правда, думал, что смогу жить дальше, но я ошибся. Без нее все вокруг мне кажется перстным. Ты не понимаешь, я смотрел на мир ее глазами. И теперь, когда ее не стало — я ослеп.

— Ты не только ослеп, — со слезами на глазах проговорила Айлин. — Ты еще и

полностью лишился рассудка. Ты даже не даешь себе шанса, на новую жизнь. Ты просто завяз по самое горло в старой и совершенно не желаешь выбираться из этого.

Она молчит, ждет, что я ей отвечу, но я молчу. Мне больше нечего ей сказать. Я просто на просто не нахожу разумного ответа. Лишь слегка покачав головой и по смотря на меня не верящим взглядом, Айлин попятилась задом, а затем и вовсе покинула комнату.

Я снова остался один.

Апрель 2015 года

Никогда не понимал человеческой тяги к ночной жизни. Эта глупая зависимость от громкой музыки, толпы людей и моря алкоголя, разрушает человеческую суть.

Да, однозначно за происходящим в клубе не особо приятно наблюдать со «светлой» головой.

Огромная масса полуголых девиц, и примерно столько же похотливых, пьяных мужчин ошиваются около меня. Даже то, что мой vip столик находится в самом дальнем углу, не спасает меня от этой пахабщины.

Но самое ужасное, что моя Эмили здесь, в самом центре этого хаоса. Танцует окруженная потными, пьяными парнями. И меня просто бесит, что за последний час она выпила гораздо больше спиртного, чем в принципе способна выдержать.

Перед глазами сразу всплывают картинки из прошлого. После гибели родителей, Эмили и Эстер каждые выходные прозябали в клубах города, поглощая литры алкоголя. И мне пришлось хорошенько потрудиться, чтобы оградить этих дам от неприятностей.

Жизнь Эмили скатилась бы на самое дно, если бы я не осмелился материализоваться. Стать Эмс не просто невидимым хранителем, но и верным спутником. Плечом, на которое она смогла опереться и отпустить всю свою скорбь.

И я стал Эмили тем, кто сумел вовремя сказать ей: «Остановись!». И в этот момент она и сама осознала, куда именно катится ее жизнь.

В данный момент я наблюдаю один из фрагментов того времени. Тот же отсутствующий взгляд, стремление туда, где музыка настолько громкая, что не слышно собственных мыслей.

Стремление туда, где она практически не будет ничего чувствовать.

ОНИ четко дали понять, что из этого пожара я смогу вывести только одного человека. *«Так суждено!»* — сказал Диметрий три дня назад, когда Старейшины вызвали меня к себе. — *«Даже ангелам не подвластно так масштабно обвести смерть вокруг пальца. Ты должен думать только о своей подопечной...»*.

Но сейчас, здесь, за пару минут до начала пожара, я думаю не о своей подопечной. Я думаю о девушке, которую люблю. О той, которая через несколько минут потеряет последнего близкого человека, и я совершенно ничего не могу с этим поделать.

Эмили обнимает крохотную брюнетку за шею и что-то шепчет ей на ухо. Та лишь кивает в ответ. Но даже отсюда я вижу, как трудно Эстер контролировать свои действия. Она слишком пьяна.

Мое сердце обливается кровью лишь от одной мысли, что я и Эмили видим эту озорную девчушку в последний раз. Но я не могу ставить под угрозу жизнь Эмс.

Даже если на карте будет стоять жизнь всего человечества, против жизни Эмили... Я сделаю все возможное, чтобы не потерять ее.

Белоснежная макушка Эмили промелькнула в толпе и скрылась в сторону дамской комнаты. Не теряя ни минуты драгоценного времени, я последовал следом за ней.

Понятия не имею, как буду вытаскивать ее из этого клуба, но я определенно должен это сделать. И как можно быстрее. «Падшие» могут появиться здесь в любую минуту.

Ладно, Даниэль полный кретин, но Мил... Мил должен был проследить, чтобы с Эмили ничего не случилось. О чем только думали Уорнеры, когда отпускали ее в этот клуб? Они не хуже меня знают, что ее ищут. Как можно быть такими наивными?

Одним резким движением я распахнул дверь туалета, заставляя Эмили, стоящую возле умывальников, вздрогнуть. Ее ясные, голубые глаза в ужасе распахнулись и быстро пробежались по мне снизу вверх. Оценивая силу моей опасности.

Вид испуганной, озадаченной Эмили Бейли меня сильно позабавил.

— Это женский туалет. — Слегка ошарашено произнесла девушка, не сводя с меня своего взгляда.

— Я знаю. — Улыбаясь, ответил я.

Мой ответ, пропитанный детской непосредственностью и медовой улыбкой, поставил мою собеседницу в ступор. Растерянная Эмили — еще более забавное зрелище. Она несколько раз подряд, то открывала, то закрывала свой соблазнительный ротик, пытаюсь подобрать слова, чтобы мне ответить. Но ответа у нее так и не нашлось, от чего я еще больше рассмеялся. Щеки Эмс вспыхнули алой краской.

Эмили стояла неподвижно, с любопытством рассматривая меня с головы до ног. Ее голубые глазки остановились на моем запястье, прямо на том месте, где изображена «метка ангела». Она не должна ее видеть, но судя по всему, видит. Испугавшись, она резко отпрянула и, потеряв равновесие начала падать навзничь. Но я успел ее подхватить.

— Не время падать в обморок, красавица. Нам надо убираться отсюда, через минуту здесь будут очень не хорошие люди.

Белокурые пряди упали на ее лицо, приликая к бесцветному блеску на ее губах. Он по-прежнему пахнет малиной и вызывает во мне волну ностальгии.

Ее небесно-голубые глаза широко распахнуты, а тело отзывается на каждое мое прикосновение.

Она не помнит меня, но чувствует. Ее лишили воспоминаний, но сердце... Сердце все еще помнит меня и любит. И осознание этого придает мне чувство неуязвимости.

Она любит. Она все еще любит меня, хоть и не помнит об этом.

И сейчас, когда я держу ее в своих руках, мне кажется, словно не было этих долгих месяцев. Словно мы с Эмили никогда не расставались. Тепло ее тела, нежность кожи, запах волос по-прежнему опьяняют меня.

«Стоп, Кайл!». — Мысленно я говорю себе, смотря в глубину ее больших голубых глаз. Я должен держать себя в руках. Эмили никогда не будет моей. И я должен сделать так, чтобы она держалась от меня подальше, а я в свою очередь был по другую сторону ее сердца.

У Эмс не должно даже мысли возникнуть о том, что между нами может что-то быть. Иначе ОНИ заново переписут всю ее историю. И уж после этого я наверняка больше никогда в жизни не увижу ее прекрасного лица.

Глава 8

Откуда-то издалека, будто бы из-под воды до меня доносится истерический звук дверного звонка. Голова разрывается от боли. Такая тяжелая, словно внутри находится бетон. Единственное, что я помню, так это то, что ко мне в гости пришли Дин и Митч, и у каждого из них в руках было по две бутылки текилы. Судя по тому, как сильно меня тошнит,

мы прикончили их все. Просто замечательно.

В комнате темно, лишь за окном где-то вдалеке показываются первые проблески рассвета.

Кряхтя и постанывая, я сполз с кровати. И практически на ощупь принялся прокладывать себе путь в сторону входной двери. Мои босые ноги шлепали по холодному, деревянному полу отдаваясь в голове раскатами грома. Если даже этот малейших звук вызывал у меня невыносимую головную боль, то про дверную трель я вообще молчу.

— Кого же там черт принес, в такую рань? — Бубнил я, подходя к звери и отпирая замок. Наверняка это Митч со своим синдромом «ищу друзей».

Я распахнул дверь.

По ту сторону порога на меня смотрели большие, небесно-голубые глаза. Ее глаза.

— Эмили? — От шока мои глаза распахнулись, и я почти выкрикнул ее имя, от чего голову пронзила невероятно сильная боль, а от запаха перегара из моего рта, меня затошнило еще больше.

— Эдисон. — Мягко поправила меня девушка, стоящая на пороге. Она дрожала так сильно, словно лист на ветру. Ее одежда промокла до нитки, а белокурые волосы крупными, мокрыми прядками прилипли к ее бледному, посиневшему лицу. Она сильно продрогла. Мне пришлось хорошенько проморагаться, чтобы образ Эмили отступил, и я смог хорошенько рассмотреть лицо ее дочери.

— Прости, кажется, последняя бутылка текилы вчера вечером была лишней. — Собирая в себе все остатки трезвости, сказал я. — Что ты тут делаешь?

— Кайл, прости мне за столь ранний визит. — Бледно-синими губами заговорила она. — Я собиралась тебе позвонить перед приездом, правда собиралась. Но побоялась, что ты мне откажешь в помощи. А мне больше не к кому обратиться.

— Эдисон, стоп. — Я прервал ее поток несвязной речи. Во-первых, она лепетала слишком быстро, ее голос дрожал и местами срывался, а во-вторых, все ее слова, словно резиновые мячики, отскакивали об стеклянный купол алкогольного опьянения.

— Я ни черта не понимаю. Давай ты сейчас зайдешь внутрь, мы тебя переоденем, я приму душ, слегка протрезвею и ты мне объяснишь, что у тебя случилось. Хорошо?

— Ладно.

Я простоял под потоком ледяных струй где-то около получаса. Отчаянно надеясь хоть немного протрезветь и заставить мир вокруг меня перестать вращаться. Я оставил Эдисон в своей спальне, у полного шкафа вещей. И хотя вся одежда в шкафу мужская и будет на пару десятков размеров больше не обходимого, но зато она сухая.

Я вышел из ванной с более или менее ясной головой. Эдисон была в гостиной, сидела на диване в моих спортивных штанах и красной толстовке и прижимала к губам большую, дымящуюся кружку с кофе. Вторая точно такая же стояла на кофейном столике и, судя по всему, предназначалась мне. Рядом с кружкой лежали две небольшие белые таблетки.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Выпей их, — сказала Эдисон, проследив за моим взглядом. — Тебе станет гораздо легче.

— Сомневаюсь, что мне когда-нибудь станет легче. Чтобы я еще раз выпил хоть что-то крепче кефира, да никогда. — Я сгреб в ладонь две белые таблетки, закинул в рот, запивая их горечь сладким кофе.

— Все мы так говорим, но все равно время от времени набираемся до отключки.

Эдисон, улыбнувшись, покачала головой, отодвигаясь чуть в сторону, чтобы освободить мне место на диване.

— Ну, давай, рассказывай, что именно тебя привело в такую даль. — Сказал я, усаживаясь на диван.

— Мой бывший муж увез Мию. — Сдерживая слезы, заговорила девушка, смотря мне прямо в глаза. — Она гуляла во дворе, а когда я вышла позвать ее обедать, то обнаружила, что Мии нигде нет. Соседи сказали, что видели, как она садилась в машину моего мужа. Уже несколько недель полиция ищет их по всем штатам, но все безрезультатно. Генри и Мия, словно сквозь землю провалились.

Не смотря на то, что Эдисон заметно старалась не расплакаться передо мной, в уголках ее голубых глаз, собрались прозрачные бусины слез.

— Эстер посоветовала мне обратиться к тебе. Я правда, хотела тебе позвонить, но решила, что смотря мне в глаза тебе будет сложнее мне отказать. Кайл, мне больше не к кому обратиться. Полиция бессильна, я просто подумала, может ты воспользуешься своими связями. Там...

— Там?

— Ну да. — Эдисон возвела глаза к потолку. — Там, наверху.

Я расхохотался.

— В Эдеме?

— Точно, в Эдеме.

— Я не имею туда доступа. Можно сказать меня выперли оттуда. Но я, кажется, знаю, кто может нам помочь.

— Правда?

— Да, дай мне, пожалуйста, номер своего племянника.

— Племянника? Бобби или Николаса?

— Николаса.

— Но чем Николас может нам помочь? — Спросила Эдисон, набирая на моем телефоне номер племянника.

— Николас нам не нужен, нам нужен кое-кто другой.

— Я не понимаю.

— Сейчас поймешь. — Я забрал из ее рук мобильник и нажал кнопку вызова.

Спустя несколько долгих гудков по ту сторону телефона наконец-то взяли трубку.

— Лий, брат, мне нужна твоя помощь и я знаю, что тебе нельзя со мной общаться, но я не для себя прошу. Ради Эдема, помоги мне.

Я даже не успел отключиться, как напротив меня во весь свой рост материализовался брат. Эдисон сидевшая на диване взвизгнула и отпрянула еще дальше. Брат одним сильным ударом выбил из моей руки мобильник, другой же не менее сильный кулак угодил мне в челюсть.

Если честно я не защищался и даже не пытался дать сдачи или каким-либо образом поставить на место своего младшего брата. Я прекрасно знал, что заслужил подобный прием.

— Не смей так говорить, Кайл. — Тыча в меня пальцем, яростно шипел брат. — Ты отрекся от Эдема год назад, так будь добр не пачкать его своим поганым, «падшим» ртом.

— Ты совсем больной? — Крича, Эдисон бросилась на Лию, отталкивая его, прочь от меня. Ее маленькие кулачки, словно барабанные палочки, били ангела в грудь. Тот же стоял

истуканом, удивленно уставившись на разъяренную женщину. Брат совершенно не осознавал, что именно происходит в данную минуту, пока его глаза окончательно не сфокусировали на лице бьющей его девушки. Лий побелел, приобретая четкий оттенок свежесвыпавшего снега.

— Да ты братец молодец. — Едко заявил Лий. — Не получилось с матерью, решил попробовать с дочерью? Сообразительный ты, однако. И куда делась твоя хваленая, всеми воспетая любовь? Прошла словно ветрянка?

Его слова, словно крупный, бетонный кулак ударили меня прямо под дых, перекрывая воздух. Кулачки Эдисон замерли где-то на полпути, так и не достигнув намеченной цели.

— Думай что говоришь! — Предупреждающим тоном заговорил я.

Мы с братом сверлили друг друга взглядом, пока растерянная девушка непонимающе переводила с одного из нас на другого свой растерянный взгляд. Осознание слов, сказанных Лиём, словно в зеркале отражалось на ее лице и глазах, ставших размером с Атлантиду. Всего полчаса назад, выползая из своей постели в совершенно разбитом состоянии, мне казалось, что хуже просто быть не может. Как оказалось границы этого «хуже» весьма обширны.

— Ах ты, чертов больной ублюдок. — Выругалась девушка и оставила увесистую пощечину на лице моего брата. Звук шлепка заставил меня вздрогнуть, тем самым развеяв пелену ярости. — Ты в своем уме?

— А что я такого сказал? — Уже с более меньшим пылом спросил брат.

— Что ты такого сказал? — Возмутилась Эдисон. — Этот мужчина, был возлюбленным моей мамы, гипотетически он даже мог бы быть моим отцом и ты еще спрашиваешь, где ты налажал? — Продолжала свою тираду Эдисон, отчитывая Лию, словно нашкодившего мальчишку. И как не странно именно так он сейчас и выглядел.

Мне стала жаль своего младшего брата. Я и забыл, что ангелы не понимают разницы человеческих отношений, особенно если учесть тот факт, что в центре них сейчас находится падший ангел, добровольно сложивший крылья ради своей возлюбленной. Само это для него ненормально, а уж об остальном я и вовсе молчу.

— Эдисон. — Тихо позвал, кладя свои руки на ее хрупкие плечи. — Эдисон, он не понимает.

— Не понимает? — Растерялась девушка.

— Нет. — Я покачала головой. — Это долгая история, но просто поверь мне, не стоит злиться на его слова. Я и сам был таким.

Лий заметно успокоился, как и Эдисон, которая минуту назад была вулканом возмущения.

— Брат. — Спокойным, размеренным голосом заговорил я. — Я позвал тебя не для того чтобы ругаться. Нам, правда, нужна твоя помощь.

— С какой стати мне тебе помогать? — Брат гордо вздернул подбородок.

— Я не прошу у тебя помощи для себя. — Объяснял я. — Я прошу тебя помочь Эдисон.

Взгляд его колких глаз переместился на хрупкую фигуру девушки, стоящую бок о бок со мной и утопающую в безразмерных, мужских вещах. Ее холодные, голубые глаза наполнились прозрачными слезами. Но она не заплакала.

— Мия пропала. Уже несколько недель полиция разыскивает девочку по всем штатам. — Продолжал я.

— Она с отцом. — Легко парировал брат.

— Мы знаем, но он забрал ее тайно. Украл можно так сказать. — В глазах парня отразилось совершенное непонимание.

Боже, как же объяснить брату, чтобы он понял?

— Ммм, по закону, девочка находится под опекой матери. — Медленно проговаривал я, стараясь донести до брата суть проблемы так, чтобы он понял всю серьезность положения. — Забрав Мию у матери, без ее ведома и тем более разрешения, Генри нарушил закон.

— Нарушил закон? — Заинтересовано переспросил брат.

— Именно. — Боже, бинго! До него дошло. — Именно поэтому ты должен помочь нам ее найти.

— Я сделаю все возможное. — Серьезным, деловитым тоном ответил брат и в туже секунду исчез.

— Он ушел? — Ошарашено, с ноками паники в голосе спросила Эдисон. — Почему он ушел? Он не может просто так исчезнуть.

— Не волнуйся. — Я обнял девушку за плечи, стараясь хоть как-то внушить ей чувство спокойствия и надежды. — Он найдет ее, вот увидишь.

— Чертовщина какая-то. — Прыснула девушка, осматривая пустой воздух на месте, которого еще секунду назад был Василий. — Он такое хамло.

— Не вини его. — Вся эта ситуация меня безумно расстраивала. Я совершенно не узнавал своего брата, но понимал то, почему он так себя везет. Много лет назад я и сам относился к падшим ангелам не лучшим образом. А сейчас став им, предав свою семью и свой вид, я смею требовать от брата обратного. — Поведение брата, лишь громкое эхо моих поступков.

— Значит, это семейный реванш, а не ненависть к моей семье? — Подвела итог Эдисон.

— Совершенно верно. — Подтвердил я. — К тому же Лий охраняет жизнь и здоровье твоего племянника. — Как будто бы он смог бы отказаться, если бы захотел. Сомневаюсь, что у кого-то из нас, когда-либо в истории был выбор. Непреклонное подчинение старейшинам — вот наш путь.

— Просто в голове не укладывается.

Эдисон подошла к дивану и с легкостью пушинки опустилась на него, прижав к груди большую подушку. Я потерял дар речь, уставившись во все глаза на эту картину. Мое «разбитое» сердце предательски забило. Мне пришлось вцепиться в край дивана, чтобы сохранить равновесие, сильная волна дежа вю чуть ли не сбила меня с ног. Внутри меня все заболело так, словно я наелся битого стекла.

— Кайл, — тихо позвала девушка, на ее фарфоровом лице отобразилась тревога. — Ты в порядке?

— Да, просто... — Я замолчал, подбирая слова, но так и не отвел взгляда от ее лица. — Просто ты так похожа на свою мать.

— Наверное, очень тяжело, проходить через это.

— Это невыносимо.

Мои последние слова повисли в воздухе и летали по комнате из угла в угол. Мы молчали, погрузившись каждый в свои мысли.

— Он же найдет ее, верно? — Вдруг ни с того ни с сего спросила Эдисон. В ее огромных, голубых глазах отразились бездонные просторы надежды.

Я не знал наверняка, получится ли у моего брата отыскать малышку, но я не мог

высказать свои сомнения вслух.

— Обязательно. — Улыбнувшись, ответил я. — Он ее обязательно найдет.

Глава 9

Когда я вернулся из кухни, держа в руках поднос с двумя кружками дымящегося кофе и большой тарелкой с сэндвичами, Эдисон крепко спала, обнимая руками диванную подушку.

Принеся из спальни большой, теплый плед я набросил его на Эдисон, накрывая так, что из-под него торчала только белокурая макушка. Через пару минут моя гостья полностью расслабилась и ее дыхание стало мягким и размеренным.

Задернув все занавески, чтобы в комнату не проникали лучи рассвета, я взял кружку с почти остывшим кофе и уселся в громоздкое кресло, стоящее прямо напротив дивана. Признаки похмелья еще осталось и от запаха еды меня снова замутило, но глотая кофе, чувствуя, как его тепло распространяется внутри меня, мне становится понемногу легче.

На мгновение я задумался, а кого это было бы сидеть в этом кресле и знать, что в метре от меня, прижимая к груди большую, мягкую подушку спит не просто красивая незнакомка, а моя дочь? Плоть от плоти, кровь от крови. Мое дитя, мой мир, моя жизнь.

Я представил себя намного лет старше, в моих волосах запугалась седина, а кожа на лице и теле обвисла и покрылась морщинами. Да, что тут говорить, я и сейчас стар. Мне чуть меньше трех сот лет, никто из живущих на земле не существовал столь долго. Но старость это не состояние твоей души, мыслей и даже действий. Старость — это состояние твоего тела. А тело мое состарилось бы очень и очень не скоро, не стань я человеком, разумеется. Но я им стал. И время моей жизни очень ограничено. Казалось бы, я только сейчас осознал это, и наконец-то мне захотелось начать жить этой самой — «новой жизнью».

Поиски Мии продолжают уже больше трех дней, и все это время Эдисон провела со мной в квартире. Соседи, прознав о моем временном сожителе, проложили к моей квартире не зарастающую тропу. Особенно Мисс Эйвери постаралась на славу. Заходит к нам, по крайней мере, раза четыре за день, а может и больше. Обычно после обеда я перестаю считать. И, разумеется, от ее «острых» глазок не ускользнул тот факт, что Эдисон чертовски похожа на мою умершую возлюбленную. Ни Эдисон, ни я, никак не прокомментировали ее замечание, но зная эту старушку, я уверен, что так быстро она не отступится.

Энни и Айлин демонстративно меня игнорируют. Особенно это касается второй из выше перечисленных, так как ее сына я не видел с тех пор, как с круглыми, ошарашенными глазами (после того, как зайдя за солью Айлин обнаружила на моей кухне одетую в мою одежду Эдисон), девушка покинула мою квартиру, захватив с собой своего ребенка. Да и Бог с ней, одной проблемой меньше. В данном случае, сразу двумя.

Мой брат и его сподручные ангелы, в их число входят Мил и Михаэль (эти двое вызвались на добровольных началах, когда услышали, что речь идет о внучке Эмили), «роют» носом землю в поисках малышки. Но пока все их старания тщетны. С каждым пройденным часом надежда в глазах Эдисон все заметнее угасает.

— Кайл? — Вдруг ни с того ни с сего заговорила Эдисон во время ужина на пятый день поисков. — О чем ты мечтаешь?

— О чем я мечтаю? — Кладя столовые приборы на полупустую тарелку, переспросил я.

— Да. — Наматывая спагетти на вилку, подтвердила девушка.

— Не знаю. — На полном серьезе ответил я, мои смешанные чувства по поводу данного

вопроса явно отразились на моем лице. — Все мои мечты рухнули в тот день, когда я вернулся на землю и понял, как долго отсутствовал.

Красивое личико Эдисон наполнилось искренним сочувствием.

— А до этого? — Продолжила она, не сводя с меня взгляд. — О чем ты мечтал до того, как вернулся сюда?

Я усмехнулся и отодвинул пустую тарелку подальше от себя.

— Все мои мечты были связаны с Эмили. — Не смотря на то, что воспоминания о ней до сих пор причиняли мне боль, я старался говорить бодрым голосом, сохраняя улыбку на своем лице.

— Расскажи мне. — Не унималась девушка.

Я не доверчиво вскинул брови: — Эдисон, я сомневаюсь, что это будет тебе интересно.

— Нет, мне, правда, интересно. — Она демонстративно отодвинула от себя тарелку с остатками ужина, положила локти на стол и слегка подалась вперед, обращаясь вслух. — Ну же, Кайл.

— Да тут не о чем рассказывать. — Неохотно начал я. — Я всегда любил историю, можно даже сказать, я просто помешан на ней. И я планировал устроиться в какой-нибудь не большой университет преподавателем.

Было как-то странно разговаривать о совместном будущем, которого не стало с той, кто в принципе стал отдельным будущим моей любимой. Я не знаю Эдисон, в ней нет ничего от меня, за то в ней полным полно мелочей от Эмили и именно эти мелочи делают ее самым родным для меня человеком на этой земле. Начав свою исповедь — я уже не мог остановиться.

Я рассказал Эдисон обо всем. О том, о чем мы с Эмили мечтали, чего боялись, что любили. В уголках глаз моей собеседницы то собирались, то снова высыхали бисеринки слез. Но девушка, ни на минуту не прекращала улыбаться, впрочем, так, же как и я. Нам обоим нравилось говорить про Эмили, разделяя друг с другом теплые, светлые воспоминания о ней.

— Знаешь, она бы сильно разозлилась, если бы узнала, что ты опустил руки. — Проговорила девушка.

Я уже убрал со стола и теперь аккуратно расставлял посуду по ее законным местам. Эдисон сидела на высоком стуле и попивала чай из ромашки.

— Я знаю. — Слегка рассмеявшись, ответил я. — Она бы устроила мне порядочную взбучку.

— Так вот и я об этом же. Кайл, ты должен осуществить вашу мечту. Хотя бы из уважения к памяти мамы ты должен попытаться.

Ее лицо вдруг озарилось, она звонко поставила чашку на каменную столешницу.

— Я могу тебе с этим помочь. Точно. У меня есть знакомый профессор в университете Линден Гров. Я просто уверена, что он не откажет в помощи молодому преподавателю истории. Да!

— Ты так в меня веришь? — Шутя, спросил я. — Уверена, что я справлюсь?

Напор Эдисон мне казался весьма забавным, именно такой была Эмили. Быстро загоралась и напористо шла к своей цели. Она практически всегда получала задуманное. Практически...

— А ты до такой степени в себе не уверен? — Эдисон кокетливо приподняла одну бровь.

— Вот еще. Уверен на все сто. — Хмыкнул в ответ я.

— Ну и почему нас никто не встречает? — Из гостиной донесся веселый голос Мила.

Мы с Эдисон ошарашено переглянулись и, бросив посуду на пол, помчались на голос.

Маленькая девчушка сидела в одном из кресел и весело болтала ногами в воздухе. Ее маленькие пяточки то и дело ударялись об кресло, издавая приглушенное «Бум! Бум!».

В руках у маленькой Мии был старый, потрепанный медведь, у которого вместо одного глаза была здоровенная, черная пуговица.

— Девочка моя! — Выкрикнула Эдисон и подскочила к дочери.

— Мамуля, — залепетала малышка. — Я так по тебе скучала, просила папу отвезти меня к тебе. Он обещал, но так и не отвез.

— Я тоже по тебе скучала, доченька. — Говорила девушка, поглаживая белокурую макушку.

Мил оценивающим взглядом осматривал комнату, перемещая взгляд с одной поверхности на другую, но тут заметил серую фоторамку и его холодные, голубые глаза наполнились дикой печалью.

Я знал, что именно так на него подействовало — фотография Эмили. Несколько дней назад Айлин принесла небольшую коробочку и ни сказав, ни слова всучила ее мне в руки. Внутри оказалась новая, серовато-серебряная фоторамка с фотографией Эмили.

Айлин стало неудобно за то, что ее сын испортил памятную вещь, и она обратилась к другу, который с помощью какой-то программы сделал для меня несколько новых фотографий с Эмс.

Сделав два шага вперед, Мил схватил серебряную рамочку с тумбочки и поднес ее поближе к лицу.

Лицо его стало блее белого, а каждая мускула на лице ходила ходуном, пока его пухлый, грубый палец скользил по стеклу фоторамки.

Он, как и я, безумно скучает по ней.

Глава 10

— И какие у тебя планы? — Без задней мысли спросил я. — На будущее.

Эдисон сегодня проснулась в чрезвычайно прекрасном настроении. Все утро, что она провела за приготовлением целого пиршества вместо завтрака, Эдисон пела. И казалось, Эмили и тут оставила свой отпечаток. Пение ее дочери такое же прекрасное и мелодичное.

Девушка удивленно вскинула брови: — Тебе уже не терпится от меня избавиться?

— Нет. — Быстро ответил я. — Я даже не думал об этом в таком русле. Ты можешь жить у меня столько, сколько посчитаешь нужным. Разумеется нет, вы с Мией мне не мешаете. Мне весело с вами.

Нервно заторотил я, говоря на одном вздохе. Мне ни коем образом не хотелось ее обидеть. Я и не подумал, что этот вопрос может заставить ее подумать, как сильно мне не терпится от нее избавиться. Мол, я жду не дожусь, когда они соберут свои вещи и съедут.

Честно сказать, я наоборот рассчитываю на то, что эта мини семейка задержится у меня по дольше. Впервые за целый год я не чувствую себя одиноким, несчастным, скорбящим. Я чувствую себя, даже не знаю... Нормально, что ли. Чертовски нормально.

— Расслабься, — рассмеялась Эдисон, наблюдая за моими внутренними дебатами. — Я пошутила. Я прекрасно понимаю, что ты слишком добр, чтобы даже подумать о том, чтобы поскорее меня выгнать. И знаешь, — говорила она, уплетая блинчики с голубикой. — Я

планирую злоупотребить твоим гостеприимством, до тех пор пока не найду себе подходящее жилье в этом города.

— Хочешь остаться в Тилия Сити? — Удивился я.

— А почему бы и нет? — Небрежно ответила девушка. — Мне здесь понравилось. Даже не смотря на то, что город встретил меня весьма холодным приемом и моя машина до сих пор стоит где-то за городом.

— За городом? — Не понимаю о чем это она. — Что ты имеешь ввиду?

— Черт, — девушка распахнула свои голубые глаза в предвкушении моей реакции на ее историю. — Я же тебе не рассказала. Моя машина поломалась, когда я была примерно в четырех километрах от твоего дома. Мне пришлось идти ночью, по проселочной дороге и в довершение ко всему еще и дождь пошел. Я промокла до нитки, мне было страшно до такой степени, что я едва не падала в обморок каждые двадцать метров.

— Ты сумасшедшая. — Покачав головой, ответил я. — Тебе повезло, что в этом городе вообще нет преступности, здешний потолок правонарушений это переход улицы в неполюженном месте.

— Как жаль, что в тот момент я не знала об этом. — Хохоча, продолжала Эдисон. — Стук моих зубов разносился по всей округе. Я даже удивлена, что ты не проснулся от такого ужасающего звука.

— Я бы может и проснулся, — рассмеявшись, ответил я. — Если бы не был в дрова пьяный.

— Тебе несказанно повезло, мужчина.

— А что у нас на завтрак? — Сзади послышался детский голосок. Мия с растрепанными волосами и сонным лицом, шлепая маленькими, босыми ножками протопала к обеденному столу и с любопытством посмотрела на содержимое тарелок. Ее глаза радостно загорелись. — Блинчики?

— Именно. — Эдисон подхватила дочку под руки и усадила во главе стола. — Ты же их любишь.

— Ой, мамочка очень. — Она принялась орудовать вилкой и поспешно запихивать кусочки блинчика в рот. — Наверное, это самая вкусная вещь на всем свете. Правда, Кайл?

— Безусловно. — Улыбаясь, ответил я, отправляя в рот очередную порцию черничного лакомства. — Я вот думаю, как бы уговорить твою маму приготовить их сегодня на ужин.

— Да!!! — Подхватила девчушка. — Я хочу на ужин черничные блинчики!

— Спасибо тебе, Кайл, — буркнула Эдисон, садясь напротив меня. — Ты подал моей дочери отличную идею. — Не смотря на то, что говорила она строго, в ее глазах играли смешинки. Эдисон наклонилась ко мне через стол и прошептала: — Она же теперь не отстанет, пока не получит их на ужин. Более упертого ребенка я в жизни не встречала.

— Ну, раз такое дело, — я последовал ее примеру и тоже наклонился к ней, наши лица были в сантиметре друг от друга, и тихо проговорил: — Я помогу тебе с блинчиками для ужина. Мне бы хотелось знать секрет их приготовления, в жизни ни ел, ничего подобного.

— Так я тебе его и открыла. — Прыснула Эдисон. — Даже не надейся.

Я рассмеялся и уже даже придумал колкий ответ, как друг меня словно молнией ударило. Маленькая Мия, уплетая блинчики и беззаботно болтая ножками в воздухе, напевала себе под нос до боли знакомую песню. Мою песню.

*Страхи сон твой пускай не тревожат
Где-то ждет тебя принц в дали
И любовь, прям как в сказке, может.*

*И пусть я не герой из книг,
но без остатка в тебе растворился.
Все, что было — поставил на кон.
С неба пал я, но не разбился.*

— Где ты услышала эту песенку, милая? — Не скрывая волнение, спросил я. Все краски отступили от моего лица, а сердце предательски сжалось и совершенно отказывалось биться.

Девочка насупилась и недовольно на меня посмотрела, но, ничего не ответила.

— Мия, пожалуйста, скажи мне, где ты слышала эту песню? — С нажимом я повторил свой вопрос. Эдисон насторожилась, не понимаю, что происходит.

— Кайл, о какой именно песне идет речь? — Спросила Эдисон и я повторил ей первые две строчки припева, именно его минуту назад пела малышка.

— Я ни разу ее не слышала, ни от Мии, ни где-либо еще. — Девушка пожала плечами.

— Ты и не могла ее слышать. — Ответил я. — Это моя песня, я написал ее почти сорок лет назад. Колыбельная для Эмили, я пел ее ночами, когда был ее... Не важно, Мия просто скажи мне, где ты ее услышала?

— Эмили мне ее поет каждую ночь. — Хлопая ресницами, ответила малышка, ведя себя так, словно мы с ее мамой задаем самые глупые вопросы, которые вообще можно придумать.

Эдисон насторожилась ответом своей дочери.

— Как это бабушка поет тебе ее каждую ночь?

— Мама, я же сказала, — тяжело вздохнув, заговорила Мия. — Мне ее поет Эмили.

— Но Эмили и есть твоя бабушка милая. — Эдисон взяла дочку за плечи и заглянула ей в глаза, чтобы понять, о чем именно говорит ее ребенок.

— Нет, бабушка старенькая, а Эмили молодая и красивая, прямо как ты.

— Ничего не понимаю. — Проговорила Эдисон, подняв на меня свой пронзительный взгляд. — А ты? Что-нибудь понял?

— Кажется да. — Немного помолчав, я привлек к себе внимание ребенка. — Принцесса, а расскажи мне, что делает Эмили, когда к тебе приходит?

— Она поет мне.

— А что именно она тебе поет?

— Колыбельную. — Ответила девочка, уставившись на свои руки. — Она сказала, что когда ей было страшно, один друг пел для нее эту песню.

— А ты помнишь эту песенку? — Спросила Эдисон и малышка кивнула ей в ответ. — А ты можешь мне ее спеть?

— А вдруг Эмили будет ругаться? — Глаза Мии в испуге распахнулись.

— Не будет, я уверен, что Эмили была бы не против. Мне так хочется услышать эту песенку.

И девочка запела.

До этой секунды я думал, что это просто какое-то совпадение или, что кто-то написал подобную моей песню. Я никогда не пел ее Эмили, точнее пел, но она просто не могла ее слышать. В момент ее написания я был ее тенью, присматривал за ней день и ночь.

Спала, Эмили плохо, ее мучили кошмары и однажды я просто решил спеть для нее что-нибудь, надеясь на то, что это прогонит дурные сны. Но вся проблема была в том, что я не знал, ни одной песни, поэтому, недолго думая я, придумал свою. И с того дня каждую ночь пел ее для Эмили, дурные сны отступили.

Я ни кому о ней не говорил, даже честно сказать позабыл про нее. Но сейчас, когда малышка напевает ее себе под нос, я бесшумно повторяю следом за ней, до последней буквы вспоминая слова песни.

*В книгах много добра и зла,
и любви в ней безмерно много.
У меня за спиной два крыла
И вперед ведет только одна дорога.*

*А она стоит у окна
Смотрит на мир сквозь опущенные ресницы.
И ночами не может спать
держа книгу в руках,
она снова ждет своего принца.*

*Я хочу лучом солнца стать,
нежно-нежно к лицу прикоснуться.
Но могу лишь об этом мечтать,
Петь ей песню,
до тех пор пока она не сможет проснуться.*

*Позолота ее волос
И глаза с синевою неба,
нежность рук, трепет ее слез —
рушат жизнь мою, где бы я не был...*

*Спи, принцесса моя, спи
Страхи сон твой пускай не тревожат.
Где-то ждет тебя принц в дали.
И любовь, прям как в сказке, может.*

*И пусть я не герой из книг,
но без остатка в тебе растворился.
Все, что было — поставил на кон.
С неба пал я, но не разбился.*

Девочка в растерянности замолчала и тревожно начала посматривать то на меня то на свою мать, беззвучно перебирая губами. Стало понятно, что она растерялась и забыла слова. Поэтому я, недолго думая продолжил вместо нее.

Я держу тебя на руках,

*Пальцами локоны перебираю.
Мое сердце бьется так сильно
и что делать с ним я не знаю.*

*В тебе нежности миллион,
А глаза словно мир — большие.
Знаешь, милая, кажется я влюблен.
Говорю тебе это и даже не фальшивлю.*

*И пускай за спиной два крыла,
А впереди будет много ненастий
Я смогу тебе подарить,
хоть и бумажное, но все-таки счастье.*

*Позолота ее волос
И глаза с синевою неба,
нежность рук, трепет ее слез —
рушат жизнь мою, где бы я ни был...*

*Спи, принцесса моя, спи
Страхи сон твой пускай не тревожат
Где-то ждет тебя принц в дали
И любовь, прям как в сказке, может.*

*И пусть я не герой из книг,
но без остатка в тебе растворился.
Все, что было — поставил на кон.
С неба пал я, но не разбился.*

Мое, все до последней буквы мое. Так много лет прошло, а я помню ее, заучил, зазубрил, просто впечатал в каждую клеточку своего мозга.

— Быть такого не может... — Слова выскочили из меня, словно кусок мыла в воде.

— Кайл? — С тревогой позвала меня Эдисон. — С тобой все в порядке?

— Я... Я даже не знаю. — Глаза мои отчаянно пытались сфокусироваться на чем-то, но, никак не могли, все вокруг было подобно цветным пятнам. — А что еще Эмили тебе говорит?

— В основном она поет или рассказывает мне сказки о добром ангеле, который всем-всем помогал. — Она немного замолчала, а затем продолжила. — Сегодня ночью, она просила меня передать тебе, что ей очень холодно, потому что ты грустишь из-за нее.

Услышав ее слова я вскинул голову, Эдисон бережно опустила свою теплую ладонь на мое плечо.

— Она так и сказала? — Спросил я.

— Да. — Кивнула малышка. — Эмили просит тебя не грустить по ней, она хочет, чтобы ты был счастлив.

— Она тебе и, правда, снится? — С надеждой на отрицательный ответ спросил я.

Девочка кивнула в ответ. — Ох, как бы я хотел оказаться на твоём месте. Ты передашь ей это?

— Нет! — Выкрикнула девочка. — Она сказала, что вам с ней нельзя видеться иначе ты никогда с ней не попрощаешься. — А затем, нахмутив брови добавила: — Тем более она сказала, что больше не будет петь мне колыбельную. Сказала, что я уже взрослая и храбрая.

Я ничего не ответил, молча, кивнул, дав понять, что слышал ее слова. Минуту назад, я был готов прыгать от счастья, думая о том, что может быть смогу увидеть Эмили, поговорить с ней. А сейчас... Сейчас я опять переполнен разочарованием.

Глава 11

Она мне больше не снится. Совсем.

Если раньше закрывая глаза я видел картинки из прошлого, то сейчас по ту занавесу сна — темнота.

Каждый день я погружаюсь в мысли о ней с головой, словно спрыгнув в воду с высокого обрыва. Она была центром моего мира, и без нее он просто на просто развалился.

Эмили вырвали из моей жизни, но не из моего сердца. Я просто могу отречься от нее. ОНИ заставили меня пройти через все круги ада и моя любовь к Эмили была единственной вещью, которая заставляла меня жить.

Когда у нее забрали не только меня, но и саму память обо мне, Эмили продолжала меня любить. Даже не смотря на то, что совершенно не подозревала об этом. Она держалась ради меня и теперь пришла моя очередь держаться ради нее.

Думать о ней, мне уже почти не больно. Точнее больно, но как-то по-другому.

«Сладкая боль» — это определение приписывают одному из немногочисленных видов боли. Когда боль перемешивается с чувством облегчения, освобожденности, завершенности. Например, когда вы вытаскиваете из своей ладони здоровенную занозу, которая просто врослась вам под кожу. Или дотрагиваетесь до здоровенного, фиолетового синяка. Вам больно, но эта боль, какая-то «хорошая».

Так и я. Вспоминая ее вновь и вновь, я постоянно касаюсь огромного синяка на своем сердце. И отчасти я радуюсь той боли, которую чувствую. Это значит, что я ее не забыл. Она по-прежнему держит мой мир в своих руках. И это чувство дает мне сил двигаться дальше.

Проснувшись сегодня утром в гостиной, на своем ужасно не удобном диване, я наконец-то почувствовал себя живым. В приоткрытое окно пробирался приятный запах утренней прохлады и свежести, а на кухне гремит тарелками моя временная сожительница, Эдисон.

И все это кажется таким до безобразия нормальным, что у меня перехватывает дух.

Я прекрасно осознаю, что не смирился с ее потерей, что все еще переживаю, но, не смотря на это я учусь жить с этим горем и радоваться своей жизни. Я храню память о своей любимой, как что-то драгоценное, самое сокровенное, что может быть у каждого из нас. Но память о ней, никак ее не вернет и уж точно не заменит.

Если бы три недели назад на моем пороге не оказалась промокшая до нитки и посиневшая от холода Эдисон, я, скорее всего до сих пор сидел бы внутри себя и теребил бы заживающие раны.

— Доброе утро, соня. — Улыбаясь, заговорила Эдисон, потянувшись, я, улыбнулся ей в ответ. — Не удобный диван?

— Чертовски не удобный. — Вставая, ответил я. — Подумываю о том, чтобы перебраться на пол. А как вам спалось?

— Лучше чем дома. — Скорчив забавную рожицу, ответила девушка, и, подойдя ко мне, она обвила руки вокруг моей шеи, оставив быстрый поцелуй на моей небритой щеке.

— Спасибо за то, что приютил нас. Не знаю, как бы я справилась без тебя.

— Я думаю, ты бы нашла выход. — Подмигнул ей я. — Это у вас семейное, впутываться в передраги глобальных масштабов, а затем самостоятельно из них выбираться.

Она шлепнула меня по плечу, от ее жалкой попытки меня ударить я рассмеялся.

— Боже, тебе надо записаться на боевые искусства. Ты даже муху не убьешь таким шлепком.

— Ну, пока у нас для этого есть ты, а потом я что-нибудь придумаю. — Лукаво ответила она. — Завтрак готов, я пойду, разбужу Мию.

— Кстати, — серьезно проговорил я, сфокусировав взгляд на ее лице. — Мне нужно будет поговорить с тобой.

Поняв по моему тону, что разговор нам предстоит серьезный, она несколько раз бросила на меня слегка озабоченный взгляд, затем кивнула и направилась в спальню, чтобы разбудить свою дочь.

Всю неделю я провел в размышлениях о том, в каком направлении мне двигаться дальше. Казалось, я был в ступоре слишком долго. Я привел свои мысли и чувства в порядок, разложил все, что у меня теперь есть по полочкам и теперь мне предстоит решить, как распорядиться своим имуществом. А если быть точнее — своей жизнью.

Я прожил в этом городе добрых два месяца. Здесь я очистил свои мысли и жизнь от ненужного негатива и переживаний, как говориться «сбросил груз», и теперь готов продолжать свой путь.

Входная дверь хлопнула, а это означает, что Мия и Сэм ушли играть во двор, Эдисон и я остались в квартире совершенно одни. Что, разумеется, бывает очень редко.

Она нерешительно прошла в гостиную и села в одно из кресел, голубые глаза тревожно впивались в мои. Она нервничает.

— Знаешь, уже неделю я думаю об одном и том же и это никак не выходит у меня из головы. — Начал я, подмечая, как девушка напротив меня просто «вросла» в кресло. Я отвел от нее взгляд и посмотрел в окно.

— Сегодня утром, ты завела разговор о том, что бы было, если бы ты не обратилась ко мне за помощью. И я только сейчас понял, что на земле было бы на два несчастных человека больше.

Она немного расслабилась, но так и не поняла к чему именно я веду.

— Я бы не справился без тебя, Эдисон. — Я наконец-то встретился с ней взглядом. — Своим присутствием, смехом, глазами, милыми шутками ты вытеснила из моей жизни горе и подарила радость. Ты напомнила мне, каким я был, а точнее каким я хотел быть и за это я хочу сказать тебе спасибо.

— Кайл, я... — Начала говорить Эдисон, но подняв руку я попросил ее дослушать меня.

— Я решил двигаться дальше. Мне предложили пару часов в неделю преподавать историю в университете Ревайвл Сити, это малость, но не плохо для начала. Вчера вечером я принял предложение и уже в понедельник я должен буду выйти на работу.

— Это же замечательно! — Выкрикнула Эдисон, хлопая в ладоши, как пятилетний ребенок. Я улыбнулся, смотря на ее реакцию.

— Тише ты, погоди радоваться. — Смеясь, заговорил я. — Это еще не все.

— Не все?

— Нет. — Я покачал головой в предвкушении ее реакции на последнюю новость. — Я знаю, что тебе очень понравилось здесь и ты бы хотела остаться в этом городе, но ничего подходящего мы не нашли, как бы упорно не искали. И по этому... — Я сделал небольшую, наигранную паузу. — Эта квартира ваша. Я дарю ее вам с Мией.

— Нет! — Я вижу радость ее в глазах, она хочет эту квартиру, но слишком гордая, как и ее мать, чтобы сразу ее принять.

— Эдисон, брось. — Простонав от ее занудства, ответил я. — Я не спрашиваюсь у тебя, а ставлю перед фактом.

— Но это слишком. — Парировала она. — Ты мне не отец, чтобы делать такие подарки. — От этого комментария я вздрогнул, словно кто-то уколол иголку в мое сердце. Она поспешно извинилась. — Прости, я не хотела это говорить.

— Я знаю, что я тебе не отец, но я думал, что за эти три недели мы успели стать друзьями.

— Так и есть.

— Тогда отключи мысли и просто прими эту квартиру. — С надеждой в глазах проговорил я. — Это неплохое начало, со временем ты найдешь себе подходящий дом и у тебя уже будет от чего отталкиваться. Начинать с нуля сложно, поверь мне.

— Но где ты возьмешь себе деньги на новое жилье?

— Денег у меня больше, чем необходимо нормальному человеку. — Усмехнулся я. — Я же бывший ангел, забыла?

— Забудешь тут. — Прыснула Эдисон.

— Тогда все. — Сказал я, вставая с дивана и протягивая, Эдисон руку. — Мы с тобой договорились?

— Договорились. — Неохотно ответила она, закатив глаза под потолок. — Может ты поживешь с нами еще не много? Ты нравишься Мие и мне...

— Вы мне тоже нравитесь, — подмигнул я. — Но все уже решено, завтра утром я уезжаю.

Глава 12

Марк припарковался на стоянке возле кладбища. Отстегнув ремень, я вышел из машины и, открыв заднюю дверь, взял с сидения большой букет кремовых калл. Дверца машины хлопнула, и я увидел, как Марк двинулся в сторону входа на кладбище.

— И куда это ты собрался? — Строго сказал я, заставляя парня остановиться.

— На кладбище. — Растерянно ответил Марк.

— Разве я говорил, что ты должен идти со мной?

Парень растерялся, и не уверенно на меня посмотрел, словно он был уверен в том, что это само собой подразумевалось, и не было нужды говорить об этом вслух.

— Но, пап... — Тихо проговорил Марк. — Там же до ужаса жутко, солнце уже садится, думаю было бы разумно пойти туда вдвоем.

Я наградил его тяжелым взглядом, так же, как делал это когда ему было семь лет, и он вытворял, какую-нибудь глупость.

— Я не старик, чтобы со мной нянчиться. Так, что будь добр сынок, подожди меня в машине. — Он нахмурился и, бурча что-то себе поднос пошел обратно к машине. Наблюдая за тем, как мой сын, ссутулившись, с поникшей головой прошел мимо меня, я сразу же почувствовал себя полным ослом. Почему я так строг с ним? Чем сильнее этот парень тянется ко мне, тем дальше я его отталкиваю от себя своими поведением. Парой (а в

последнее время довольно часто) я забываю, что дома надо быть отцом, а не строгим профессором.

— Сынок? — Марк замер и медленно обернулся. — Прости мне мое поведение, но я должен пойти туда один. — Парень взбодрился и добродушно, понимающе кивнул мне в ответ, а затем сел в машину.

Я не был на могиле Эмили больше двадцати лет, и если бы Эдисон не объяснила мне, как найти дорогу к ней я, наверное, до конца своей жизни бродил среди чужих могил.

— С днем рождения, Эмили!

Я подошел к ее могиле с тяжелым грузом на сердце, казалось оно болит так же сильно, как и в день похорон Эмс, ни на миллиграмм не уменьшив свою агонию.

— С днем рождения, мой ангел. Моя возлюбленная. Моя жизнь. — Дрожащими губами произнес я и опустил нежные цветы на землю. — Сегодня бы тебе исполнилось восемьдесят лет.

Сбоку от могилки, прямо под ивой со слегка набухшими почками, стояла небольшая скамейка и маленький круглый столик. Я опустился на нее, потому что не доверял своим ногам. Того и гляди, они меня предадут и я рухну наземь, а может и под нее.

Лучи угасающего солнца освещали ее пожелтевшую фотографию, наполняя мое сердце каким-то медовым теплом.

— Мы бы купили большой лимонный торт, собрали бы детей, внуков, правнуков и всех-всех друзей. Накрыли стол в своей большой столовой, и ты бы своим беззубым ртом задувала все восемьдесят свечек. — Легкий смешок вырвался из моей груди. — А я бы стоял позади и тайком помогал тебе это сделать, так как легкие у нас обоих были бы уже ни к черту.

Я знаю, Эмили бы сейчас рассмеялась, услышав мои слова.

— Но вместо большого семейного праздника я сейчас сижу на твоей могиле и подвожу итог нашей жизни.

Я тяжело вздохнул, сбрасывая тяжелый камень со своего сердца.

— Наши жизни сложились несказанно странным образом. Столько лет нам удавалось находить дорогу друг к другу несчитанное количество раз, мы всегда были рядом, даже когда между нами были сотни километров и целые жизни. Даже сейчас сидя на твоей могиле, я чувствую тебя. Я знаю, что ты где-то рядом хоть я и не вижу тебя.

Я замолчал, уставившись на свои дрожащие постаревшие руки. Из уголков моих глаз начали выскальзывать слезы.

— Столько лет прошло, — я смахнул предательские слезы, которые словно рыба из рук, выскользнули из моих глаз. — Столько воды утекло, а я до сих пор тебя не забыл. Казалось бы, после всего, через что нас с тобой заставили пройти, мы должны быть рядом и быть счастливы, но....

Я тяжело вздохнул, а затем продолжил свой односторонний разговор.

— Прости меня, Эмили. Прости, что столько лет я не навещал тебя. Я не мог приехать, это было выше моих сил. — Смахнув очередную слезу, сказал я. — Но сегодня, в твой юбилей я не мог не придти. Меня привез мой сын Марк. — Я рассмеялся и покачал головой. — Приемный сын, если быть точным.

Я так и не смог найти себе женщину по душе. Не смогу впустить кого-то в свое сердце, в свою жизнь и свою постель. Каждая женщина, встречающаяся на моем пути ни шла, ни в какие сравнение с Эмили. Руки не такие нежные, голос не такой звонкий, глаза не напоминают мне теплое, летнее небо. Все не то, от макушки до кончиков пальцев — не то.

— Марк невыносим, — после нескольких минут сидения в тишине заговорил я. — Через две недели ему исполнится двадцать четыре года и он уже в принципе взрослый, самостоятельный парень. Молодой мужчина можно даже сказать. Но я не вижу его в нем. Для меня Марк все тот, же маленький мальчишка, которому я помогал расти и вставать на ноги. Всегда были он и я, но представляешь, на днях он привел домой невесту. — Выпустив грустный смешок я посмотрел на темнеющее небо. Солнце уже практически село и на небе загорелись первые звезды.

Прохладный, апрельский воздух пробрался под мое пальто и оставил свои холодные поцелуи на коже.

— Невесту. — Эхом повторил я. — Мой сын женится, купит дом и переедет в него, чтобы создать свою семью. Он будет «вить» гнездышко со своей супругой, и я знаю, что не должен ему завидовать, но все равно завидую.

Я устало потер лицо руками, уставившись в одну точку. Солнце уже село и фотография Эмили растворилась во мраке сумерек. Мой взгляд скользнул мимо нее и уперся прямо в могилу Алекса.

Бедный Алекс, его сердце оказалось намного слабее моего. Если же я смог справиться с потерей Эмили, то он нет. Его похороны состоялись спустя полтора года со дня смерти Эмили. Я думал это окончательно сломает Эдисон, но она оказалась куда крепче, чем я думал.

Как, оказалось, быть человеком это не только жить и радоваться жизни, но и мириться со смертью близких. Помимо Алекса мы похоронили Эстер, ее мужа Макса и малыша Бобби. Бедный мальчик не дожил и до десяти лет.

Мне хочется рассказать ей обо всем. О том, как я переживал ее потерю, как переехал в другой город и пытался там начать жить заново. О том, как эта затея с треском провалилась и лишь Эдисон смогла вытащить меня из собственноручно выкопанной ямы.

Мне хотелось поделиться с ней радостью и любовью к своей работе, профессор истории, это так много для меня значит. Я хочу, чтобы она знала о Марке, как он попал ко мне и кем вырос. Хотя я уверен, что она и так все знает.

Как бы я хотел говорить сейчас не с пустотой, а с той Эмили, которую я когда-то знал. С девушкой, которой принадлежит мое сердце, всегда принадлежало, и будет принадлежать.

Сидя на скамейке я облокотился на небольшой столик, не сводя взгляда с того места, где ели-ели разливаются очертания фотографии. Я представлял, что Эмс и в самом деле сидит напротив меня и внимательно слушает все, что я ей говорю.

— Знаешь, Эдисон замечательная женщина. — И я каждый день благодарю Бога за то, что мне выпала честь быть ее верным другом. — Мы каждые выходные собираемся семьями и проводим время за городом. Как обычно по субботам мы едим твою ужасную Паэлью.

Я все говорил и говорил, рассказывая ей разнообразные истории из жизни, стараясь выговорить все то, что накипело. И судя по всему, я в какой-то момент уснул, потому что рука сына вырвала меня из царства сна.

— Отец, ты меня до смерти напугал. — Тихо заговорил Марк. — Битый час тут сидишь, я уже подумал, что с тобой что-то случилось.

— Я уснул.

— Да я вижу. — Тяжело вздохнул сын, помогая мне встать. От того, что я уснул сидя, все тело затекло. — Поехали домой, крестная, наверное, уже волнуется.

— Ты звонил Эдисон? — Встревожился я.

— Да, около часа назад. — Парень разочарованно помотал головой. — Она уже тогда отчитала меня за то, что мы так припозднились. Теперь мы заявимся домой после двух, крестная задушит тебя прямо на пороге.

— Знаешь, сын почему-то мне кажется, что ты прав. Так что наслаждайся, через четыре часа ты будешь сиротой.

Сын расхохотался, подталкивая меня в сторону машины.

Солнце давно уже село и дальше метра вперед ничего не видно, я прошу Марка убавить скорость, но он делает вид, что совершенно меня не слышит. Это раздражает, но я так устал, что совершенно нет сил на споры, поэтому я отворачиваюсь к ветровому стеклу и пытаюсь всмотреться в темноту между деревьями.

Но отчего-то в мою голову лезут совсем не радостные мысли. Если бы мне выпал шанс вернуться назад, в тот день, когда я принял решение стать человеком и поставить передо мной тот же самый выбор, чтобы я выбрал?

Стал бы я, человеком заранее зная, какая жизнь меня ждет впереди?

Сделал бы я снова тот выбор, который сделал больше двадцати лет назад?

Если быть полностью откровенным, то, скорее всего, нет. Я остался бы в Эдеме с матерью и братом, пошел бы по стопам отца и попытался сделать жизнь в Эдеме лучше. Я бы не знал о том, какого это быть на похоронах своей любимой, смотреть на ее лицо и не узнавать. Я бы избавил себя от океана боли и горя, и жил бы как раньше. Думал о том, что Эмили и Алекс счастливы вместе. Что их счастье настоящее, а не бумажное, как мое.

Веки мои словно свинцовые и я почти погрузился в сон. Ну, тут из мягкой хватки сна меня вырвал визг шин по асфальту и отборный мат моего сына. Весь мир словно перевернулся с ног на голову.

— Отец! — Кричит Марк испуганным голосом. — Папа! Папа!

Это все длится несколько секунд. Одно мгновение длинной в щелчок пальцами, но я воспринимаю все в замедленном режиме.

От испуга лицо моего сына помолодело лет на десять, и я вспоминаю, что именно такими глазами Марк смотрел на меня, когда будучи ребенком, забирался в мою постель посреди ночи. В детстве ему часто снились кошмары.

Машину занесло, и она закрутилась по мокрому асфальту волчком. Сын пытается вывернуть руль, но, ничего не выходит. Я вижу, как она на большой скорости приближается к деревьям. Еще секунда, две и она сильным ударом врезается пассажирской стороной в одно из них. А если говорить конкретно, то она врезается моей стороной.

Темнота.

Удар, еще удар, тишина...

У меня нет сил, чтобы распахнуть свои глаза.

Удар, еще удар и снова тишина...

Я чувствую, как все мое тело пульсирует в такт моему телу.

Удар.

Удар.

Тишина.

Больше всего на свете я боялся двух вещей:

Первое: Потерять Эмили.

Второе: Пустота.

Первый страх осуществился двадцать один год назад, второй же настиг меня минуту

назад.

Умирать не страшно. Больно — да, но не страшно. Ты знаешь, что именно с тобой происходит и осознаешь, что бояться уже поздно. Бесплезно кричать, когда падаешь на дно пропасти. Все уже произошло.

Страшно не умереть, страшно исчезнуть. Раствориться, словно пригоршня соли в теплой воде. И в данную минуту я именно та самая пригоршня соли. Я растворяюсь.

Мой сын треплет меня за плечи, его слезы капают на мое лицо.

— Папа? — Я слышу его голос так отчетливо. — Папа? Папа, прости меня. Кажется, я задремал, а тут собака. Черт бы побрал эту собаку. Папа? Скорая уже в пути. Ты меня слышишь? Папа?

Удар, удар, тишина...

Мне хочется открыть глаза и успокоить его. Сказать Марку, что я в порядке, что я просто устал и мне нужно немного поспать.

Вместо этого я молчу, слушая свое сердце. Я просто устал и мне просто необходимо поспать. Совсем не много. Чуть-чуть.

Удар...

Удар...

Тишина...

Удар...

Тишина...

Глава 13

Что-то щекочет мое лицо. Я отмахиваюсь, поворачиваюсь на бок, но через секунду это раздражающее чувство возвращается снова. Я мычу что-то невнятное, натягивая одеяло на голову. Ступни моих ног чувствуют утреннюю прохладу, судя по всему для них одеяла не хватило. Щекочущее чувство перемещается к ним.

— Да, Боже мой, — бурчу я сквозь сон. — Кто ты чудовище? И что тебе от меня надо?

Этот «кто-то» хихикает и стаскивает с меня одеяло. Я разочаровано стону и на ощупь ищу, чем себя накрыть, но все мои старания напрасны. Мое тело покрывается мурашками.

«Кто-то» опять хихикнул.

Лениво приоткрыв один глаз, я наконец-то замечаю своего мучителя.

— Боже, я буду привязывать тебя на ночь к кровати. — Бормочу я, хватая ее за руку. — Ты невыносима.

— Да, я самое ужасное создание на всем белом свете, — хихикая, говорит она. — Но ты все равно меня любишь.

Я улыбаюсь и притягиваю ее к себе, обнимая руками за тонкую талию, оставляю поцелую на нежном плече.

— Уже половина девятого, — шепотом произнесла она. — Мне так не хочется отпускать тебя, но тебе пора собираться.

— Собираться? — Блаженная улыбка расплзлась по моему лицу, пока я наслаждался ее прикосновениями. — Куда?

— Куда? — Удивилась она. — Кайл, сегодня двадцатое августа, у тебя в десять часов экзамен по истории. Ты забыл?

— Экзамен? — Встревожился я. — Погоди что?

Я подскочил, сядя на кровати.

— Двадцатое августа? Какого года?

— Какого года? — Растерянно переспросила Эмили. — Кайл, ты меня пугаешь, сегодня 20 августа 2014 года. Ты чего?

— 2014? — Спросил я, и Эмили положительно кивнула мне в ответ. — 2014, как такое возможно?

Наклонившись, я обхватываю голову обеими руками и отчаянно пытаюсь понять происходящее. Руки Эмили спускаются по моим плечам. Она с тревогой произносит мое имя и спрашивает все ли у меня в порядке. Я ничего ей не отвечаю, потому что и сам не знаю, что произошло.

Я смотрю на свои руки и понимаю, что они принадлежат не сорока восьмилетнему мужчине, а молодому парню, каким я был в тот две тысячи четырнадцатый год. Я смотрю на свои руки еще в течение минуты и понимаю, что кое-чего не хватает. «Ангельской метки» нет, она пропала. Бесследно растворилась на коже.

— Кайл? — Тревога в голосе Эмили увеличилась.

— Любимая, прости. — Наконец посмотрев ее испуганное, бледное лицо заговорил я. — Мне просто приснился дурной сон, и я кажется еще не отошел от него.

Она облегченно выдохнула.

— Ты меня до смерти напугал. Кажется, пора прекращать будить тебя, таким образом, это плохо сказывается на твоей психике. Кому нужен муж псих?

— Определенно ни кому. — Ответил я, прижимая девушку к своей груди.

Но что, же на самом деле со мной произошло? Дурной сон? Богатая фантазия? Вмешательство какой-то силы? Я отчетливо помню, как яркий свет фар «разрезал» темноту, как кричал мой сын и как жизнь покидала мое израненное тело.

Я смотрю на Эмили, я вижу ее, я чувствую ее. Как такое может быть? Я помню ее потрепанное временем, бледное, холодное лицо. Я до сих пор чувствую боль от ее потери. Но сейчас Эмили прямо передо мной. Живая, теплая, счастливая.

Залюбовавшись ее лицом, я до последнего не осознавал, что Эмс мне что-то говорит.

— Повтори еще раз, — сказал я, убирая белокурую прядь Эмили за ухо. — Кажется, я еще не проснулся.

— Ха-ха, — звонко рассмеялась девушка. — Милый, кажется, тебе надо срочно принять холодный душ и выпить литр кофе иначе ты весь день будешь как сонная муха.

Она встала с постели и потащила меня за руку в сторону ванной, я нехотя сполз и двинулся за ней, отчаянно переваривая происходящее.

— Иди уже, — смеялась она. — А я пока приготовлю нам завтрак.

— Ты не умеешь готовить... — Проговорил я, как бы проверяя, верен ли этот факт до сих пор. А вдруг я попал в параллельную реальность, где Эмили Бейли имеет потрясающие навыки кулинарии?

— И не обязательно было произносить это вслух. — Скривив рожицу, ответила Эмили. — На самом деле я имела в виду, что сварю кофе и наполню твою тарелку хлопьями.

— Именно об этом я и говорил. — Указав на нее пальцем, ответил я, а затем поспешно скрылся в ванной. Надо придти в себя, пока я не наговорил с три короба ерунды.

Включив воду в душе, я подошел к большому зеркалу и взглянул на свое отражение. Напротив меня, как не странно это звучит (хотя о какой странности в моей жизни может вообще идти речь?) был я. Молодая версия меня. Не было ни намека на взрослого мужчину, чей сын, скорее всего в эту самую минуту оплакивает его гибель.

— Это так странно, не правда ли?

Ее голос, словно призрак из прошлого заставил меня подскочить на месте на добрые десять сантиметров.

Она ничуть не изменилась, то же самое милое, невинное лицо по форме напоминающее сердечко, те же густые, каштановые волосы, прямой нос и тонкие губы. Все те же яркие, зеленые глаза. Она именно такая, какой я ее и запомнил.

— Мама? — Даже я сам удивился тому, как сильно дрожал мой голос.

— Кайл. — Теплым голосом проговорила мама и бросилась мне на шею. — Я не верю что это ты. Я думала, что больше тебя не увижу. Я даже не надеялась, что это сработает.

— Что сработает?

Мама отстранилась от меня и внимательно на меня посмотрела.

— У нас мало времени. — Быстро проговорила она, положив свою изящную руку на мою щеку. — Слушай меня и не перебивай.

И я и вправду старался слушать ее и запоминать все вопросы, которые у меня возникали во время ее рассказа, тайно надеясь, что после у меня будет возможность их задать.

Она рассказала мне о том, что в две тысячи десятом году все Старейшины во главе с моим отцом решили спровоцировать войну. Их планом было истребить падших ангелов как вид. И все те преступления, которые карались «падением» в будущем будут приводить к моментальной смерти. Ссылок на землю больше никогда не будет.

Они боялись, что во время войны могут пострадать их люди, как и они сами в принципе, и поэтому подстраховались. Они сделали меня так называемым «предохранителем» и в случае сбоя системы я перезапущу этот промежуток времени заново. Точнее моя гибель перезапустит время, и мы все снова вернемся в 2010 год, за пять лет до открытия ворот Эдема.

И вот старейшины пали, несколько десятков лет, и несколько минут назад я выполнил свой долг «предохранителя». И вся эта история теперь начнется заново. Да только вот на этот раз Старейшины победят, и ангелы продолжат свою жизнь «заложников» Эдема.

Мама позволила отцу поступить так со мной, только с одним условием — отпустить меня на землю к Эмили. Я не знаю, как именно она его уговорила, но факт на лицо — я человек.

С одной стороны я рад, что мне удалось вернуться к Эмили, но с другой... Ангелы снова пленники, а законы Эдема будут только ужесточаться.

— И что теперь будет? — Поинтересовался я, опускаясь на кафельный пол, облокотившись спиной о ванную. Мама присела рядом.

— Через несколько лет я должна сделать то, что сделала в прошлый раз.

— А именно?

Она засунула руку в карман своей кофты и вытащила из него небольшой золотой медальон. Мне не стоило труда узнать его, именно он попал в руки к Эмили после гибели Зака.

— Заложить его в ломбард. — Тихо проговорила мама, отдавая мне старинную вещь. — Второй медальон всегда находился в Эдеме. Именно поэтому никто не знал о его местонахождении. Но я должна облегчить поиски ключей, поэтому помещу первый медальон в тот, же населенный пункт, в котором находится второй медальон.

— То есть они оказались в одном городе не случайно? — Удивленно уточнил я. — Это ты подстроила это?

— Мне пришлось. — Виновато ответила мама.

— Кайл? — Из-за двери послышался голос Эмили. — Поторапливайся, а то опоздаешь.

— Хорошо. — Крикнул я, а затем, удостоверившись, что Эмили ушла, продолжил разговор со своей матерью. — То есть все снова повториться?

— Да. — Лицо у мамы сделалось грустным. — Ты должен держать Эмили подальше от этого. Увези ее куда-нибудь, сделай все, что от тебя потребуется, чтобы эта вещица, — она указала на медальон в моих руках. — Никогда к ней не попала.

— Иначе нас ждет именно тот конец, который я видел?

— Возможно. — Мама пожала плечами. — Я не знаю наверняка. Ты теперь человек Эмили думает, что отец позволил тебе быть с ней. И вроде бы у нее нет причин отказываться от тебя. Но, Кайл я не хочу, чтобы ты рисковал и проверял правдивость моей теории.

— Но, мам... — встав на ноги, я перебил ее. — А как же Даниэль, Мил и Сингеры? Мне выпала, возможно, сделать все правильно. Я могу спасти Дани, Зака и Эстер. Я могу помочь Уорнерам вернуться домой и при этом сохранить жизни всех невиновных. Как ты можешь просить меня держаться в стороне от этого, когда на кону стоит столько жизней?

— Меня волнует только твоя жизнь и жизнь Эмили. — Холодно ответила мама.

— Но меня нет! — Я сжал медальон в руке и быстрым шагом вышел из ванной, заранее зная, что мать за мной не последует.

Я нашел Эмили на кухне, она сидела за обеденным столом и ковырялась ложкой в ярко желтой миске с хлопьями. Наверное, у меня уйдет уйма времени, чтобы снова привыкнуть к тому факту, что любовь все моей жизни жива.

— Ну же, я жду. — Резко вскинув голову кверху, произнесла Эмили.

Я прошел вглубь комнаты и занял место напротив нее.

— О чем ты?

— Об утренней цитате. — Рассмеялась девушка, наклоняясь через стол, оставляя на моей щеке свой поцелуй. — Давай же, вспомни какую-нибудь.

— Ну, хорошо, — я слегка задумался, стараясь подобрать что-то особенное, что-то важное: — *«Я искала тебя в других, и цеплялась за похожие черты. Но это все было фальшью. Ты единственное, что когда-либо было нужно мне».*

— Откуда она?

— Из моего сна.

— И кто же говорил тебе такие красивые слова во сне? — Эмили одарила меня прищуренным взглядом.

— О-о, девушка, которую я люблю больше жизни. Единственная и неповторимая Эмили Бейли.

Рука Эмили проскользнула в мою и переплела наши пальцы.

— Ты мое счастье. — Сказал я, глядя ей прямо в глаза.

— Бумажное? — Уточняет она.

— Да, бумажное счастье.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Плей-лист:

Alex Band — Without You

Hiatus feat. Shura — Fortune's Fool

Within Temptation — Say My Name

Ed Sheeran — Afire Love

Within Temptation — Frozen
Darin — Only You Can Save Me
Alex Band — Will not back down

Заметки

[

←1

]

Demien Rice — 9 Crimes. (Дэмьян Райс — Девятый грех)

[

←2

]

День сурка — имеется в виду день, который повторяется снова и снова. Как в одноименном фильме вышедшего в 1993 году.